

Хроники
темных
времен

Пожиратель Душ

МИШЕЛЬ ПЕЙВЕР

Хроники темных времен

Мишель Пейвер

Пожиратель Душ

«Азбука-Аттикус»

2007

УДК 087.5
ББК 84(4Вел)-445

Пейвер М.

Пожиратель Душ / М. Пейвер — «Азбука-Аттикус»,
2007 — (Хроники темных времен)

ISBN 978-5-389-18258-5

Тораку удалось пережить лето вдали от родного племени, он не погиб в рискованном путешествии к Тюленьим островам. Мальчик даже воссоединился со своим братом – но ненадолго. Волка похитили Пожиратели Душ, чтобы совершить жертвоприношение. В отчаянной надежде его спасти Торака отправляется на север. Там его ждет встреча с таинственными колдунами, которые мечтают о власти над всем Лесом и ищут помощи у злых духов из Иного Мира.

УДК 087.5
ББК 84(4Вел)-445

ISBN 978-5-389-18258-5

© Пейвер М., 2007
© Азбука-Аттикус, 2007

Содержание

От автора	6
Глава 1	8
Глава 2	15
Глава 3	20
Глава 4	26
Глава 5	29
Глава 6	33
Глава 7	38
Глава 8	44
Глава 9	49
Глава 10	51
Конец ознакомительного фрагмента.	53

Мишель Пейвер
Хроники темных времен
Книга 3
Пожиратель Душ

© И. А. Тогоева, перевод, 2010

© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательская Группа "Азбука-Аттикус"», 2020

Издательство АЗБУКА®

От автора

Мир Торака отстает от нашего на шесть тысяч лет. Он возник сразу после ледникового периода и существовал вплоть до наступления эры земледелия, когда всю Северо-Западную Европу еще покрывали сплошные леса.

Люди во времена Торака выглядели в точности как и сегодняшние, но жили они по иным правилам и законам. Они не знали письма и колеса, не умели выплавлять металлы, но и не особенно во всем этом нуждались. Они и так прекрасно умели выживать в дикой природе. Они знали все о животных, деревьях, съедобных растениях и скалах своего родного Леса. И если им что-нибудь было нужно, они знали, где это найти или как это сделать.

Жили они маленькими племенами, которые часто перемещались с места на место. Некоторые оставались на стоянке лишь день-два, как, например, племя Волка. Другие могли прожить на одном месте целый месяц или даже целое лето, подобно племени Ворона или Ивы. Были и такие племена, которые круглый год жили на одном месте, например племя Тюленя. Так, некоторые из племен сменили место своего обитания со времени тех событий, что были описаны в «Сердце Волка».

Собирая материал для «Пожирателя Душ», я довольно долго жила в заснеженных лесах у подножия Карпатских гор, в Румынии. Мне повезло: я видела следы волков, оленей, рыси, барсука и многих других (медведи, правда, еще пребывали в состоянии спячки, так что их следов я не видела – к своему счастью, если честно). Я также не раз видела воронов на тушах мертвых животных, а мои провожатые рассказали мне, как притвориться мертвой или сделать фальшивую приманку, чтобы подманить этих птиц, самых умных на свете.

Чтобы побольше узнать о собачьих упряжках, я познакомилась с несколькими лайками-хаски – сперва в Финляндии, а затем и в Гренландии, где они меня катали. Мы совершали восхитительные (и промораживающие насквозь!) скоростные поездки по льду. Чтобы глубже проникнуть в обычаи и духовный мир племен Льда, я специально изучала традиционные искусства и умения инуитов (эскимосов), живущих в Гренландии и Северной Канаде. Я наблюдала за тем, как они охотятся, как строят свои жилища из снега, как шьют одежду из шкур. И испытала в Гренландии могущество ветра и ужас льдов, а также – во время одной незабываемой поездки – почувствовала близость смерти, когда невдалеке всего лишь промелькнул огромный белый медведь.

Кстати, желая поближе познакомиться с белыми медведями, я отправилась в Черчилль – это в Северной Канаде – и там днем и ночью наблюдала за тем, как медведи отдыхают и играют. Это огромная привилегия – столкнуться нос к носу с полярным медведем, встретиться взглядом с существом, которого инуиты Северо-Западной Гренландии называют Великий Странник. Я думаю, меня всю жизнь будет преследовать взгляд этих страшных и в то же время невинных темных глаз.

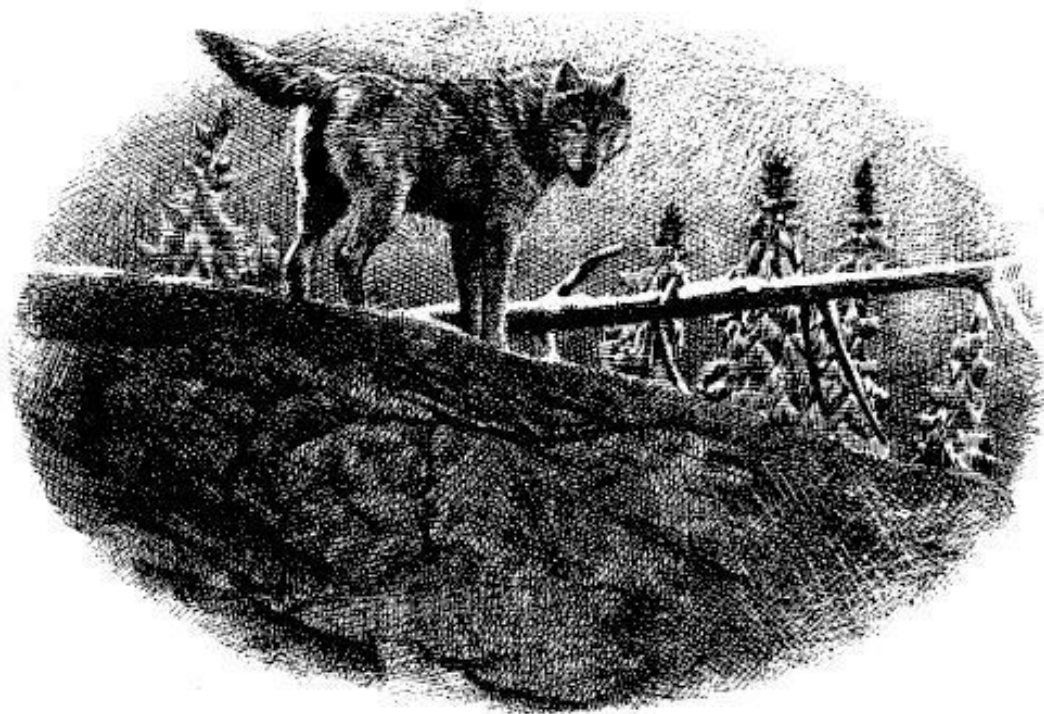

Я хочу поблагодарить Кристофа Промбергера из Большого Карпатского питомника хищников в Трансильвании за то, что он поделился со мной своими знаниями по выслеживанию зверей и чтению их следов, а также кое-что поведал мне об особенностях поведения волков и воронов. Я очень благодарна также жителям Черчилля, штат Манитоба, за ту помощь, которую они мне оказали, когда я стремилась непременно подобраться поближе к белым медведям,

а также жителям Восточной Гренландии за их гостеприимство, открытость и отличное чувство юмора. Большое спасибо сотрудникам Государственного волчьего заказника Соединенного Королевства Великобритании, которые устроили мне поистине чудесные встречи с волками. Я благодарю также мистера Деррика Койла, старшего смотрителя воронов Тауэра, за то, что он поделился со мной своими поистине неисчерпаемыми знаниями относительно характеров некоторых августейших птиц. И как всегда, я бы хотела поблагодарить своего агента Питера Кокса за его неиссякаемый энтузиазм и поддержку, а также своего замечательного издателя Фиону Кеннеди за богатое воображение, преданность и понимание.

Мишель Пейвер, 2006

Глава 1

Тораку совсем не хотелось, чтобы это оказалось знамением.

Пусть лучше это будет всего лишь обыкновенное совиное перо, лежащее на снегу. В общем, он решил не обращать на него внимания. Что и стало его первой ошибкой.

Он вернулся к тому следу, по которому они шли с рассвета, и спокойно его осмотрел. След выглядел совсем свежим. Торак стянул с руки рукавицу и пощупал отчетливые отпечатки на снегу. Их еще даже ледяной корочкой затянуть не успело.

Обернувшись к Ренн, стоявшей чуть выше на склоне холма, он похлопал себя по рукаву и поднял вверх указательный палец, а затем указал вниз, в сторону березового леса, что означало: один северный олень идет на юг.

Ренн поняла, кивнула и, вытянув из колчана стрелу, вложила ее в лук. И Торак, и сама Ренн были почти незаметны на заснеженном склоне в своих светлых парках из шкуры северного оленя и таких же штанах. Лица у обоих были вымазаны древесной золой, чтобы отбить запах человеческого тела. И обоим страшно хотелось есть. В последний раз они питались вчера, всего один раз за весь день, причем каждому досталось лишь по тоненькому ломтику вяленого кабаньего мяса.

В отличие от Торака Ренн совиного пера не заметила.

И он решил ничего ей не говорить.

Это была его вторая ошибка.

Несколькими шагами ниже по склону Волк старательно обнюхивал то место, где олень раскапывал копытами снег, чтобы добраться до мха. Уши у Волка стояли торчком, серебристая шерсть вздыбилась от возбуждения. Если он и почувствовал смущение Торака, то не показал этого. Он еще понюхал взрытый снег, затем поднял морду, стараясь уловить запахи, приносимые ветром. Затем, внимательно глядя своими янтарными глазами прямо в глаза Торака, сообщил: «Пахнет плохо».

Торак вопросительно склонил голову набок: «Что ты хочешь этим сказать?»

Волк с отвращением дернул усами: «Плохая морда».

Торак подошел ближе, чтобы посмотреть, что там отыскал Волк, и разглядел на голой земле капельку желтоватого гноя. Волк пытался сказать ему, что олень стар и зубы у него совсем сгнили: ведь ему столько долгих зим приходилось питаться только жестким мхом и лишайниками.

Торак по-волчьи сморщил нос и в усмешке приподнял верхнюю губу, показывая зубы: «Спасибо, брат Волк». Затем он глянул в сторону Ренн и двинулся вниз по склону настолько бесшумно, насколько позволяли его башмаки из шкуры бобра.

Но все же недостаточно бесшумно – во всяком случае, для Волка, который укоризненно дернул ухом и совершенно беззвучно, как облачко дыма, поплыл над снегом.

Вместе они крались между спящих деревьев. Черные дубы и серебристые березы поблескивали от инея. То тут, то там Торак замечал алые ягоды падуба и темно-зеленую хвою бдительной ели, словно стоявшей на страже, охраняя сон своих лесных сестер. Лес притих. Реки замерзли. Птицы по большей части улетели на юг.

«Но та сова осталась», – подумал Торак.

Он сразу понял, что это перо принадлежит сове, стоило ему увидеть его пушистый верхний кончик, благодаря которому полет совы во время охоты как раз и становится совершенно бесшумным. Если бы перо было темно-серым, оно, скорее всего, принадлежало бы обыкновенной лесной сове. Торак, конечно, не стал бы тревожиться и просто отдал его Ренн. Она как раз из таких перьев и делала оперение своих стрел, чтобы те лучше летали. Но это перо было не серым, а полосатым, и полосы были черные и рыжевато-коричневые: тьма и пламя. А значит, перо принадлежало самой крупной и свирепой из сов – большому филину. Встреча с такой птицей, как известно, не сулит ничего хорошего.

Заметив, что черный нос Волка нервно дернулся, Торак моментально насторожился.

И почти в то же мгновение увидел сквозь деревья того самого старого оленя, щипавшего ягель. Было слышно, как похрустывает снег под его копытами. Глядя, как горячее дыхание оленя превращается в облачка пара, Торак подумал: «Хорошо, что мы от него с подветренной стороны». О совином пере он сейчас совершенно позабыл и думал только о сочном оленьем мясе и питательном костном мозге.

У него за спиной слабо скрипнул лук Ренн. Торак и сам уже прицелился в оленя, но, поняв, что загораживает Ренн цель, опустил на одно колено и чуть наклонился. Ренн и стреляла куда более метко, и позиция у нее сейчас была гораздо лучше.

Олень сделал несколько шагов и скрылся за стволом березы. Пришлось ждать.

И пока они выжидали, Торак обратил внимание на одну ель, высившуюся немного ниже по склону. Эта ель так широко раскинула свои покрытые снегом мохнатые ветви, словно предупреждала: «Не ходите сюда!»

Он крепче сжал лук и полностью сосредоточился на добыче.

Порыв ветра закачал ветви берез, и последние сухие листья зашелестели, точно кто-то с силой потер друг о друга очень сухие, мертвые ладони.

Торак нервно сглотнул. В очередной раз ему показалось, будто Лес пытается что-то ему сказать.

Прямо у него над головой качнулась ветка – с нее с шелестом осыпался снег. Торак поднял глаза, и сердце у него екнуло: филин! Острые уши огромной птицы торчали, точно накопники копий. Огромные оранжевые глаза горели, как два солнца!

От неожиданности Торак вскрикнул и вскочил на ноги.

Олень, естественно, тут же обратился в бегство.

Волк кинулся за ним в погоню.

А филин расправил свои широченные крылья и молча полетел прочь.

– Ты что, с ума сошел? – сердито крикнула Тораку Ренн. – Ну с чего ты вдруг взял и вскочил? Я же тебя убить могла!

Торак ей не ответил. Взгляд его был прикован к филину, парившему в ослепительно-голубом небе.

«Но ведь филины охотятся по ночам!» – думал он.

Петляя среди деревьев, подбежал Волк. Он резко затормозил возле Торака, отряхивая со шкуры снег и вилая хвостом. Волк, разумеется, и не надеялся, что поймает оленя, но поохотиться ему было все же приятно.

Чувствуя смущение Торака, Волк потерся о его ноги, и Торак, опустившись на колени, зарылся лицом в густую жесткую шерсть у него на загривке, вдыхая знакомый сладостно-травянистый запах.

– Да что с тобой? Что случилось? – раздраженно спросила Ренн.

Торак поднял голову:

– Филин.

– Какой еще филин?

Он изумленно на нее уставился:

– Но ты же должна была его заметить! Большой филин! И он сидел так близко, что я, наверно, мог бы до него дотронуться!

Поскольку Ренн по-прежнему смотрела на него недоуменно, Торак бегом вернулся назад и отыскал на склоне холма то перо.

– Вот, – сказал он, задыхаясь, и протянул перо Ренн.

Волк прижал уши и зарычал.

Ренн невольно коснулась рукой нашитых на куртку перьев ворона, хранителя ее племени.

– Что это значит? – спросил Торак.

– Точно не знаю, но что-то плохое. Нам бы лучше вернуться. Фин-Кединн наверняка поймет, как тут поступить. И вот что, Торак... – Ренн не сводила глаз с пера. – Оставь это здесь.

Торак бросил перо в снег и пожалел, что вообще поднял его, да еще и голой рукой, потому что на ладони осталась какая-то мелкая серая пыльца. Он старательно вытер руку о парку и обнюхал ее: на коже остался слабый запах гнилой плоти, как в том месте, где люди Ворона хоронят своих мертвых.

Волк вдруг зарычал и насторожил уши.

– Что это он чует? – спросила Ренн. Она не умела говорить по-волчьи, зато неплохо знала повадки самого Волка.

Торак нахмурился:

– Не знаю.

Волк стоял, напряженно подняв хвост, но никаких признаков приближающейся добычи в его поведении Торак не замечал и удивился, когда Волк сообщил: «Странная добыча».

Торак понял, что его четвероногий друг тоже чем-то весьма озадачен, и его вдруг охватило всепоглощающее ощущение опасности. Он быстро предупредил Волка: «Уфф! Держись подальше!» – но тот уже неслся вверх по склону прыжками, неутомимый, как всегда.

– Нет! – крикнул Торак, бросаясь за ним следом.

– Что случилось? – встревожилась Ренн. – Что он тебе сказал?

– Он сказал: «Странная добыча».

Тревога все сильнее охватывала его. Он видел, как Волк, взлетев на вершину холма, оглянулся на них. Выглядел он великолепно: густая зимняя шерсть красиво переливалась серым, черным и рыжим почти как у лисы; пушистый хвост возбужденно поднят, как во время охоты.

«Следуй за мной, брат! Странная добыча!» – услышал Торак.

А потом Волк исчез.

Они бросились за ним следом, торопясь изо всех сил, однако ноша у них была слишком тяжела – жесткие ранцы, спальные мешки, – да и снег оказался весьма глубоким, так что пришлось воспользоваться неуклюжими снегоступами, которые сильно замедляли ход. Когда Ренн с Тораком добрались до вершины холма, Волк нигде не было видно.

– Ничего, он нас где-нибудь подождет, – сказала Ренн, стараясь приободрить Торака, и указала на небольшую осиновую рощу. – Как только мы вон до той рощицы доберемся, он тут же и объявится.

От ее слов у Торака немного полегчало на душе. Не далее как вчера Волк точно так же прятался в зарослях можжевельника, а потом выскочил оттуда и свалил его в сугроб, рыча и игриво покусывая. И это было так весело, что Торака прямо-таки изнемогал от смеха.

Они добрались до осиновой рощи. Но Волк так и не объявился.

Торака два раза коротко пролаял: «Ты где?»

Ответа не последовало.

Хотя следы на снегу были видны достаточно отчетливо. Здесь явно охотилось несколько племен, и все с собаками, но ошибиться Торака никак не мог. Следы Волка невозможно принять за собачьи. Собака бежит как попало, потому что знает – хозяин все равно ее покормит; а волк всегда бежит с определенной целью: он должен найти добычу, иначе останется голодным. И хотя Волк прожил с Тораком и племенем Ворона последние семь лун, Торака никогда не давал ему еды, опасаясь, что может невольно ослабить его охотничьи умения.

Давно перевалило за полдень, а они все шли по следу Волка. След был ровный, в одну цепочку, и Волк, совершая прыжок, старался задними лапами попадать в отпечатки передних лап. По притихшему Лесу разносилось звонкое эхо, вызванное хрустом снегоступов по насту и хриплым, усталым дыханием Торака и Ренн.

– Мы что-то слишком сильно к северу отклонились, – заметила Ренн.

Они находились примерно в дне ходьбы от стоянки племени Ворона, которая была к юго-западу от этих холмов, на берегу Широкой Воды.

Торака ей не ответил и снова коротко пролаял по-волчьи: «Где ты?»

С ветки дерева упал снег, легкой опушкой лег ему на капюшон парки. И лесная тишина, казалось, стала еще более глубокой.

Глядя, как меркнет солнечный луч, высветивший гроздь ярких ягод падуба, Торака знал, что скоро наступят сумерки. Уже и небо сияло не так ослепительно, и длинные тени стали выползать из-под деревьев. В сердце у него тонкой змейкой шевельнулся холодок.

Зимние вечера и ночи лесные племена называют временем злых духов, потому что именно в эти часы Великий Зубр особенно злобно ревет в вышине, среди звезд, а злые духи, вырвавшись за пределы Иного Мира, начинают шнырять по Лесу, сея хаос и отчаяние. Порой хватает и одного такого духа, чтобы испортить жизнь целой долине; и хотя колдуны не дремлют, но бороться с духами им не всегда под силу. Духов вообще разглядеть трудно. Бывает иной раз, он мелькнет рядом с тобой, и все равно не успеваешь даже толком заметить, как он выглядит: злые духи все время меняют свое обличье, выбирая такое, в каком им в данный момент легче проскользнуть в приоткрытый рот спящего человека и захватить власть над его телом. А там уж, скорчившись в красноватой темноте человеческого нутра, духи начинают высасывать из людей силу, храбрость и веру, сея в их душах семена злобы и раздоров.

Торака знал, что именно в это время суток, когда властвуют злые духи, и становятся явью всевозможные пророчества и предзнаменования. Волк не ответил на его призыв, потому что не мог ответить. Потому что с ним что-то случилось.

Ужасные видения, сродни ночным кошмарам, проносились у Торака перед глазами. А что, если Волк попытался сам завалить зубра или лося? Ему ведь всего двадцать лун! А этим лесным великанам достаточно с размаху ударить копытом, чтобы убить молодого наглеца.

А может быть, он угодил в ловушку? Торак, правда, учил его избегать ловушек и силков, но что, если Волк проявил беспечность? Тогда ему не выбраться. И завывать он тоже не может, если морда у него стянута петлей, а может, и шея...

Вокруг потрескивали деревья. Снова с ветвей посыпался снег. Торак поднес ко рту руки и провыл: «Где... же... ты-ы-ы?»

Ответа не последовало.

Ренн ободряюще улыбнулась ему, но в ее темных глазах Торак отчетливо видел отражение своей тревоги.

– Солнце садится, – тихо заметила она.

Торак судорожно сглотнул и сказал:

– Ничего, через некоторое время взойдет луна. Света вполне хватит, чтобы след разглядеть.

Ренн молча кивнула, но на лице ее явственно отразилось сомнение.

Они прошли еще немного, когда Ренн вдруг ринулась куда-то в сторону и закричала:

– Торак! Сюда!

Кто бы он ни был – тот, кому удалось поймать Волка, – он сделал это с помощью самой примитивной ловушки. Обычной ямы, которую лишь слегка прикрывают сверху тонким слоем веток, присыпанных снегом.

Такая яма не смогла бы, конечно, надолго задержать Волка, но на взрытом снегу возле ловушки Торак обнаружил обрывки переплетенных кожаных тесемок.

– Сеть, – сказал он, не веря своим глазам. – У них была сеть!

– Зато... на дне никаких кольев нет, – заметила Ренн. – Он им, должно быть, живым понадобился.

«Нет, это просто дурной сон, – думал Торак. – Вот я сейчас проснусь, и Волк, петляя между деревьев, примчится ко мне».

И тут он заметил кровь. Страшные пятна так и лежали на снегу.

– Может, это Волк их погрыз? – с надеждой пробормотала Ренн. – Хорошо бы! Хорошо, если бы он их руки напрочь отгрыз!

Торак дрожащими руками поднял клочок окровавленной шерсти. Его трясло, но он заставил себя сосредоточиться и прочесть следы, оставшиеся на снегу.

Волк все-таки подошел к этой яме, хотя и очень осторожно, о чем свидетельствовали отпечатки его лап. Он не бежал мощными прыжками, а перешел на спокойный шаг, когда задние и передние лапы двигались попеременно. Но он все-таки подошел к этой яме!

«Ах, Волк! – думал Торак. – Ну почему все-таки тебе не хватило осторожности?»

И тут он вдруг догадался: возможно, именно дружба с ним, Тораком, сделала Волка более доверчивым к людям. Возможно, в этом-то все и дело, а значит, виноват он, Торак.

Он долго изучал затоптанный след, что вел к северу. След уже затянуло ледком. Те, что пленили Волка, успели уйти далеко.

– Сколько тут всего разных людей прошло? – спросила Ренн, стараясь держаться подальше, поскольку Торак куда лучше ее разбирался в следах.

– Всего двое. И следы того человека, что крупнее, стали глубже, когда он побежал прочь от ловушки.

– И это значит, что он нес Волка! Но зачем вообще было тащить его с собой? Никто не посмеет причинить зло Волку. Никто просто не осмелится! – У лесных племен существовал жесткий закон, запрещающий причинять зло кому бы то ни было из Охотников. – Торак! – Ренн присела на корточки под кустом можжевельника. – Они где-то здесь прячутся. Но я не могу понять где...

– Не шевелись! – предупредил ее Торак.

– Что там?

– Не переступай ногами! Это рядом с тобой.

Ренн наконец заметила странный след и замерла на месте.

– Но что... или кто... мог оставить такие следы?

Торак присел на корточки и внимательно присмотрелся.

Отец успел научить его неплохо понимать язык следов, и он считал, что знает отпечатки лап и ног всех лесных тварей, но такого странного следа он никогда еще не видел. След был очень слабый, едва заметный, и маленький, точно отпечатки птичьих лапок. Но это явно была не птица. Задний след более всего напоминал отпечатки маленьких кривоватых рук с пятью пальцами и пятью длинными когтями, а вот переднего следа Торак так толком и не обнаружил – разве что две округлые неглубокие дырки в снегу, словно неведомое существо шло на костылях.

– «Странная добыча»! – пробормотал Торак.

– Наживка! – уверенно сказала Ренн и посмотрела ему прямо в глаза. – Они использовали эту тварь как наживку.

Торак встал:

– Они шли на север, к озеру Топора. Но вот куда они могли направиться дальше?

Ренн развела руками:

– Да куда угодно! Они могли свернуть на восток и двинуться напрямиком к Высоким Горам. Или пойти на юг и углубиться в Сердце Леса. Или пойти на запад, и тогда они уже на полпути к морю...

И тут вдруг послышались чьи-то голоса, причем эти люди явно шли в их направлении.

Ренн и Торак притаились за кустом можжевельника. Ренн вложила в лук стрелу, приготовившись стрелять, а Торак отцепил от пояса черный базальтовый топор и сжал его в руке.

Однако эти незнакомцы и не думали прятаться. Вскоре в поле зрения Торака показались мужчина и женщина, следом за ними крупный пес тащил салазки, на которых покачивался убитый самец косули. А впереди всех бодро скакал по снегу мальчишка лет восьми, и рядом с ним бежала вторая собака, более молодая, к туловищу которой была приторочена какая-то поклажа, завернутая в оленью шкуру.

Молодой пес, учуяв запах Волка, исходивший от Торака, испуганно залаял и бросился назад, к мальчику, который тут же остановился как вкопанный. Торак разглядел у него на переносице племенной знак: три тонких черных овала, отчего казалось, что мальчик постоянно хмурится.

– Люди Ивы! – выдохнула Ренн. – Может, они что-то видели?

– Нет, не надо! – Торак не дал ей выскочить из укрытия. – Мы же не знаем, можно ли им доверять!

Она изумленно на него уставилась:

– Торак! Но ведь это же люди Ивы! Конечно же, мы можем им доверять! – И прежде чем он успел ее остановить, она побежала навстречу незнакомцам, прижимая к сердцу оба кулака в знак полного дружеского расположения.

Увидев Ренн, незнакомцы заулыбались, и женщина рассказала, что они возвращаются на стоянку своего племени, которая относительно недалеко отсюда, на западе. Лицо женщины было покрыто страшными поджившими шрамами и походило на березовый гриб. И Ренн сразу

догадалась, что она одна из тех, кому удалось выжить после той страшной болезни, что в прошлом году косила лесные племена.

– Вы по пути никого не встретили? – спросила Ренн. – Мы ищем...

– «Мы»? – удивился мужчина.

Торак, вынырнув из-за куста, тоже спросил:

– Вы ведь идете с севера, да? Вы ничего особенного не заметили?

Скользнув глазами по племенной татуировке Торака, мужчина удивленно поднял бровь:

– Нет, за эти несколько дней мы никого из племени Волка не встречали. – Затем он повернулся к Ренн и заметил: – А ты слишком молода, чтобы охотиться так далеко от стоянки своего племени.

– Нам обоим тринадцать уже исполнилось, – возразила Ренн. – К тому же мы получили разрешение нашего вождя...

– Так вы никого не видели? – прервал ее Торак.

– Я видел! – крикнул мальчик.

– Кого? – набросился на него Торак. – Говори скорей, кто это был!

Мальчик испуганно отступил, ошарашенный подобным напором.

– Я... я пошел поискать своего Кусаку. – И он указал на пса, который тут же вильнул в ответ хвостом. Он очень любит на белок охотиться, но часто теряется в Лесу. Вот тогда я их и заметил. Они несли сеть, в которой кто-то был и сильно брыкался.

«Значит, он еще жив», – подумал Торак и с такой силой стиснул кулаки, что ногти впились в ладони.

– А как они выглядели? – спросила Ренн.

Мальчик высоко поднял над головой руку и даже на цыпочки поднялся:

– Мужчина огромного роста! И второй человек тоже довольно большой. Только уж очень кривоногий.

– А племенная татуировка у них какая была? – спросил Торак. – Или, может, тотемные знаки на парках? Ты хоть что-нибудь заметил?

Мальчик помедлил, потом сказал:

– Нет. У них капюшоны были опущены, я и лиц-то их не разглядел.

Торак повернулся к мужчине:

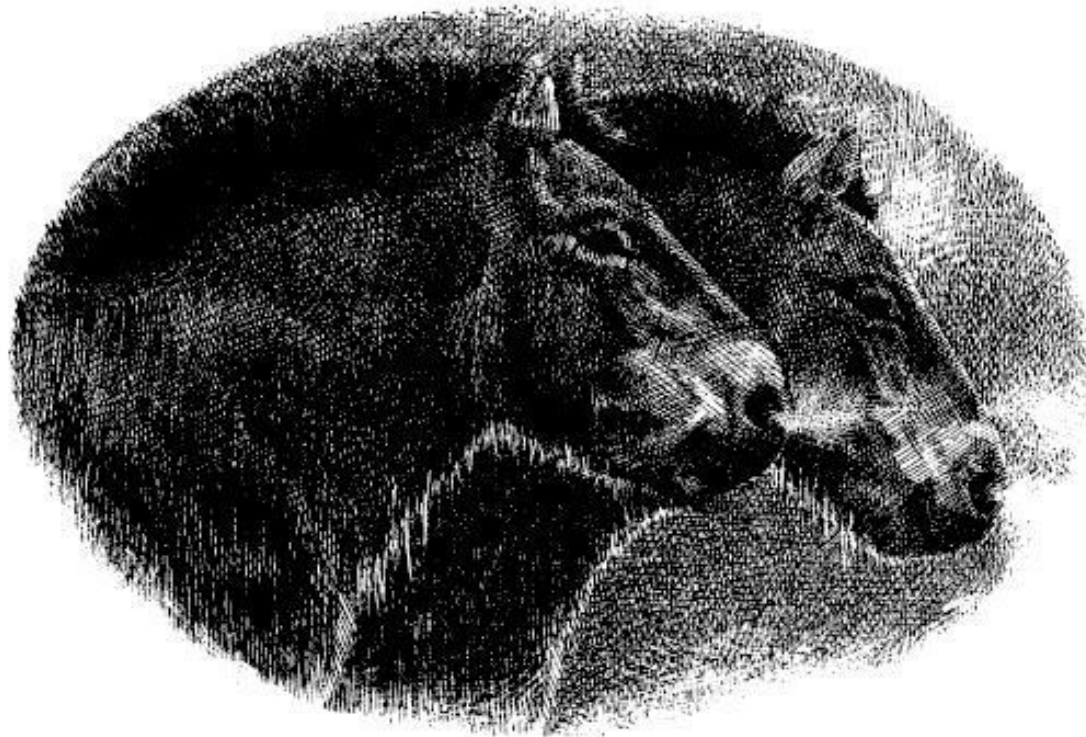
– Ты можешь кое-что передать от нас Фин-Кединну?

– Ты и сам сможешь вскоре сказать ему все, что угодно, – отвечал тот. – Вождь племени Ворона – человек очень мудрый, он тебе сразу подскажет, как поступить.

– У нас нет времени возвращаться на стоянку, – сказал Торак. – Ты только скажи ему, что кто-то захватил нашего Волка и мы собираемся его вернуть.

Глава 2

Ночью здорово подморозило, и холод пробирал до костей. Деревья окутал белый иней, снег покрылся хрустящей ледяной коркой.

Давно минула полночь, и у Торака от усталости кружилась голова, но он упорно шел вперед. След тех, кто похитил Волка, вился перед ним в лунном свете, точно змея, и вел на север, все время на север.

Внезапно – настолько внезапно, что у него чуть сердце не остановилось, – прямо перед ним возникли огромные силуэты семи ужасных колдунов. Пожиратели Душ! Они преградили ему путь, и их длинные рогатые тени легли поперек тропы. «Мы станем править всем Лесом, – шептали они, и голоса их показались Тораку холоднее зимней пурги. – Все дрожит от страха при виде нас! Мы Пожиратели Душшшш...»

Чья-то рука коснулась плеча Торака, и он невольно вскрикнул.

– Что с тобой? – спросила Ренн.

Он удивленно захлопал глазами. Перед ним стояли семь берез, покрытых белым сверкающим инеем.

– Так, померещилось, – пробормотал он.

– Что померещилось?

Торак знал, что Ренн немного разбирается и в снах, и в видениях, да к тому же у нее и самой часто бывали вещие сны.

– Ничего особенного, – сказал Торак.

Она недоверчиво фыркнула, но допытываться не стала.

И они потащились дальше. Дыхание вырывалось у них изо рта морозными облачками.

«Интересно, – думал Торак, – что это было такое? Неужели это видение означает, что Волка похитили Пожиратели Душ? Но зачем им Волк? И потом, не было ни одного следа их присутствия в Лесу. С тех пор как прошлым летом жителей поразила та страшная болезнь, Фин-Кединн успел переговорить с представителями всех племен и послал весть даже тем пле-

менам, что обитают в Сердце Леса, на морских островах и в горах. Ничего! Словно их и не существовало на свете! Похоже, Пожиратели Душ надолго залегли в свою берлогу, точно медведи зимой. И все же... Волк-то исчез!»

У Торака было такое ощущение, будто ему приходится идти сквозь слепящий туман – туман незнания и страха. Подняв голову, он увидел, что Великий Зубр светится высоко в небесах. От его холодного красного глаза исходила такая злоба, что Торак с трудом подавил волну паники, поднявшейся в душе. Сначала он потерял отца. Теперь Волка. А что, если он Волка никогда больше не увидит? Что, если Волк уже мертв?

Просветы между деревьями стали шире. Впереди блеснула замерзшая река, по ее засыпанной снегом поверхности тянулись перекрещивающиеся цепочки заячьих следов. Вдоль берегов острыми пальцами торчал мертвый тростник – словно тянулся к холодным звездам.

Табун лесных лошадей испуганно вскочил и с топотом помчался прочь по льду реки; затем животные остановились и стали смотреть на людей. Гривы лошадей отчего-то поднялись дыбом и посверкивали, точно ледяные сосульки; в ясных глазах отражался лунный свет, и Торак заметил в этих глазах отзвуки того страха, который снедал и его душу.

И перед его мысленным взором тут же вновь возник Волк – такой, каким он был перед тем, как исчез, – великолепный, гордый зверь. Торак знал его уже очень давно, еще с тех пор, как он был крошечным детенышем. Большую часть времени он был просто Волк: умный, любознательный и беззаветно ему преданный. Порой он становился для Торака надежным проводником, и тогда его янтарные глаза начинали светиться какой-то загадочной уверенностью. И он всегда был Тораку братом.

– Вот чего я совсем не понимаю, – сказала Ренн, прерывая мысли Торака, – это зачем они вообще Волка с собой утащили.

– Возможно, они еще одну ловушку готовят – только уже для меня.

– Я тоже так подумала, – сказала Ренн еле слышно. – Возможно... те, что захватили Волка – кто бы они ни были, – охотятся на тебя, потому что... – Она помолчала, явно не решаясь произнести это вслух. – Потому что у тебя есть блуждающая душа, Торак. А им очень хочется ею воспользоваться.

Торак так и подскочил. Он ненавидел, когда говорили о его блуждающей душе. Какая же она дура, эта Ренн, что произносит вслух такие вещи, да еще и при нем! Ведь это все равно что разбедить только-только поджившую рану!

– Но если они действительно хотят взять в плен именно тебя, – упорно продолжала Ренн, – то почему же они этого не сделали? Двое крупных, сильных мужчин – да им с нами ничего не стоило бы справиться. Так почему все-таки...

– Да не знаю я! – рявкнул Торак. – Что ты все время одно и то же твердишь? Что в этом хорошего?

Ренн удивленно уставилась на него.

– Ну не знаю я, почему они забрали его с собой! – снова с отчаянием выкрикнул Торак. – И я все равно пойду за ним, даже если это ловушка! Мне просто необходимо, чтобы он вернулся, чтобы он был со мной!

После этого они вообще перестали разговаривать. След оказался совершенно затоптан лесными лошадьми, и некоторое время они никак не могли его отыскать и разбредлись в разные

стороны, что по крайней мере дало им повод не общаться друг с другом. Когда Тораку удалось снова выйти на след, он выглядел уже иначе. И для них с Ренн это было гораздо хуже.

– Они сделали салазки, – сказал Торак. – У них, правда, нет собак, чтобы тащить их, но даже и без собак они теперь смогут гораздо быстрее нас спуститься с холма.

Ренн глянула на небо:

– Тучи собираются. Нам бы надо какое-то убежище себе соорудить. И немного отдохнуть.

– Можешь отдыхать, если хочешь, – я пойду дальше.

Ренн сердито подбоченилась:

– Так один и пойдешь?

– Один, если придется.

– Торак, он ведь и мой друг тоже!

– Он мне не только друг, – возразил Торак, – он мой брат!

Он прекрасно видел, как больно ее задела эти слова.

– А как насчет твоих собственных промахов? – сквозь зубы проговорила Ренн. – Или, может, ты сам ничего не упустил?

Торак гневно сверкнул глазами:

– Ничего!

– Вот как? Ничего? А ты заметил, что не так давно один из тех людей свернул в сторону и пошел по следам выдры?

– Какой еще выдры?

– Вот именно! Ты этого даже не заметил! Ты совершенно вымотался, Торак! Как и я, впрочем.

Торак понимал, что Ренн права. Но вслух в этом признаться так и не пожелал.

В полном молчании они отыскивали раскидистую ель с потрепанной зимними бурями верхушкой, раскопали снег у ее корней и устроили там некое подобие шалаша. Крышу шалаша они сделали из еловых ветвей, а сверху, пользуясь снегоступами как лопатами, насыпали толстый слой снега. Потом втащили внутрь еловые ветки, выстав им «пол», а сверху расстелили свои спальные мешки из оленьих шкур. Когда с устройством убежища было покончено, у обоих от усталости подкашивались ноги.

Торак вытащил из трутницы кремень и немного сухой березовой коры на растопку, разжег костер, но, поскольку единственным сухим топливом, которое он сумел найти, были еловые ветки, костер этот давал слишком много дыма и сердито плевался смолой. Впрочем, Торак настолько устал, что даже внимания на это не обратил.

Ренн, правда, поморщилась – уж больно много было дыма, – но ничего не сказала. Она достала из ранца кольцо кровяной колбасы, разрежала его на три части, один кусок положила на крышу шалаша для хранителя племени, а второй сунула Тораку. Свою долю она есть не стала, а спрятала ее в висевшую на поясе сумочку для припасов, взяла свой топорик и пустой бурдюк для воды и заявила:

– Я схожу к реке. У меня в ранце еще мясо есть, если что. Но не вздумай слопать сухие ягоды!

– Это еще почему?

– Потому! – сердито отрезала она. – Я их специально для Волка приберегаю!

Когда она ушла, Торак заставил себя немного поесть, затем выполз из убежища и принес жертву Лесу и своему хранителю.

Отрезав прядь своих длинных черных волос, он привязал ее к ветке упавшей ели. Затем коснулся рукой своего тотемного знака – истерзанного временем клочка волчьей шкуры, заботливо пришитого к его новой парке.

– Услышь меня, о Великий Лес! – сказал он. – Заклинаю тебя всеми своими тремя душами – моей телесной и внешней душой, а также душой моего племени – и очень тебя прошу: сохрани моего брата Волка, убереги его от злых козней этих колдунов!

Но, лишь закончив свою молитву, Торак заметил, что к другой ветке ели привязан клок темно-рыжих волос. Оказывается, Ренн тоже принесла жертву Лесу.

И Торак вдруг почувствовал себя виноватым. Не надо было ему кричать на нее.

Вернувшись в шалаш, он стащил с ног башмаки, заполз в мешок и притих, глядя на горящий костер и вдыхая чуть затхлый запах оленьей шкуры и горький дым еловых веток.

Где-то вдали заухала сова. Нет, это было не знакомое «ху-гу!» серой лесной совы, а глубое, низкое уханье большого филина!

И по спине у Торака пробежал озноб.

Услышав, как поскрипывает снег под ногами Ренн, он окликнул ее:

– Значит, ты тоже принесла жертву Лесу? Как и я?

Ренн не ответила, и он прибавил:

– Ты прости. Я не хотел тебя обижать. Это просто... Ну, в общем, прости.

Но ответа опять не последовало.

Он слышал легкий скрип ее шагов, приближавшихся к шалашу, но... затем эти шаги, обогнув ель, послышались сзади!.. И Торак в испуге сел:

– Ренн, это ты?

Шаги замолкли.

Сердце бешено забилося у Торака в груди. Это была вовсе не Ренн!

Стараясь двигаться как можно тише, он выполз из мешка, надел башмаки и потянулся за охотничьим топором.

Шаги возобновились и еще немного приблизились. Кто бы это ни был, теперь он находился всего на расстоянии вытянутой руки от Торака. Их разделяла лишь ненадежная стена из еловых ветвей.

На короткое время установилась полная тишина. Затем Торак услышал чье-то влажное, какое-то булькающее дыхание, которое показалось ему в этой тишине оглушительно громким.

Мурашки так и поползли у него по телу. И сразу вспомнились те несчастные, кого прошлым летом угораздило заразиться жуткой болезнью, насланной колдунами. Он вспомнил их безумные глаза, горевшие жаждой убийства, отвратительные комки слизи, не дававшей им дышать, скапливавшейся в груди и в горле...

А еще он вспомнил, что Ренн сейчас там, у реки, совсем одна. И тут же пополз к выходу из убежища.

Облака скрывали луну, и вокруг было черным-черно – хоть глаз выколи. До ноздрей Торака донесся запах падали. И он снова услышал то булькающее дыхание.

– Ты кто? – крикнул он в темноту.

Дыхание смолкло. И снова воцарилась полная тишина. Но это была та самая тишина, когда кто-то явно поджидал тебя в темноте.

Торак вылез из шалаша и встал, крепко сжимая топор обеими руками. Дым щипал глаза, но при свете костра он все же сумел различить на фоне деревьев некую громоздкую фигуру, почти сливавшуюся с густыми тенями.

И тут у него за спиной зазвенел крик. Он резко обернулся и увидел Ренн, ломившуюся сквозь кустарник.

– Там, у реки!.. – задыхаясь, кричала она. – Оно воняло! Оно было ужасным!

– Оно только что было здесь, – сказал Торак. – Подошло совсем близко к шалашу. Я слышал его дыхание.

Стоя спина к спине, оба внимательно вглядывались в темную лесную чащу. Что бы это ни было, оно исчезло – остался только запах падали и жуткие воспоминания о булькающем дыхании.

Теперь ни о каком сне и речи быть не могло. Они подбросили в костер топлива и уселись рядышком, ожидая рассвета.

– Как ты думаешь, что это было? – спросила Ренн.

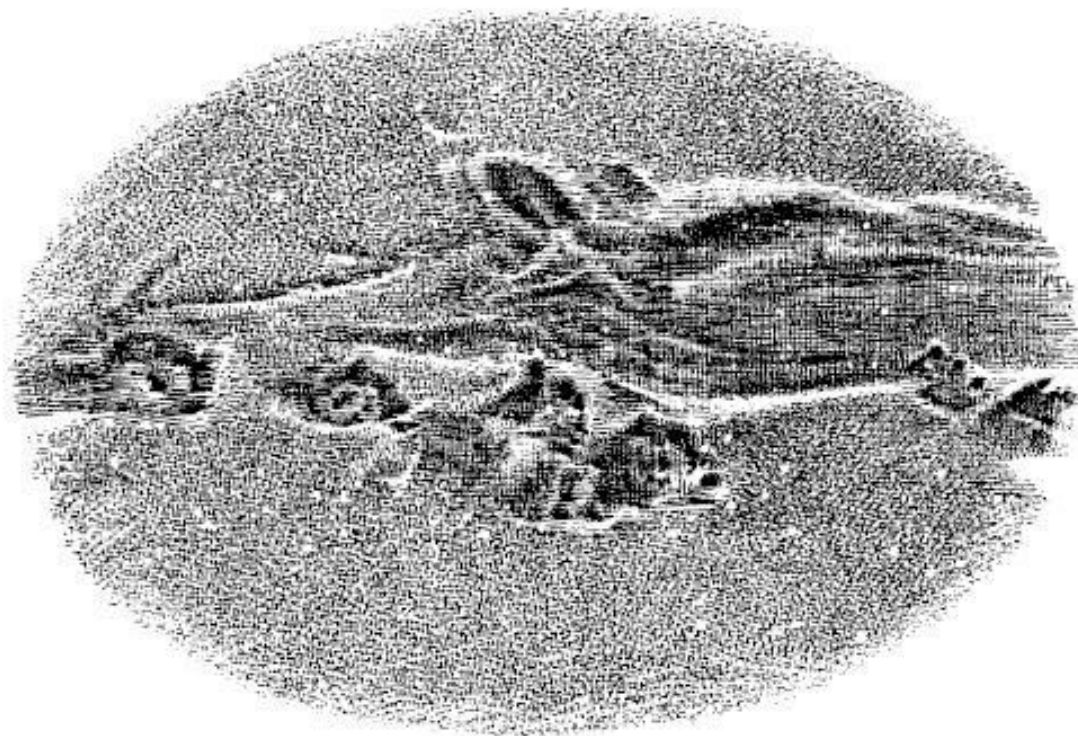
Торак покачал головой:

– Не знаю. Я знаю только одно: если бы с нами был Волк, оно никогда не посмело бы подойти так близко.

Они молча уставились в огонь. Теперь они особенно остро чувствовали, что потеряли не только друга. Они потеряли того, кто хранил их от всяких неожиданностей и бед.

Глава 3

В ту ночь они больше ничего особенного не услышали, зато утром обнаружили новые следы – огромные, похожие на следы человеческих ступней. Только ступни эти, скорее всего, были лишены пальцев.

Кроме того, новые следы были совсем не похожи на следы тех, кто захватил Волка. Хотя и тянулись в том же направлении.

– Ну вот, теперь их там трое! – огорчилась Ренн.

Торак не ответил. Все равно выбора у них не было. И они пошли по следу дальше.

Над головой висели тяжелые тучи. Лес был полон темных теней. На каждом шагу им мерещилось некое ужасное существо, осторожно к ним подкрадывавшееся. Кто это? Злой дух? Пожиратель Душ? Или, может, кто-то из Тайного Лесного Народа, какое-то чудовище с пустым, точно ствол гнилого дерева, туловищем?..

Поднялся ветер. Торак со страхом видел, как быстро след заматывает снегом, и думал о Волке.

– Если этот ветер так и будет дуть, скоро следов мы совсем не найдем, – пробормотал он.

Ренн, задрав голову, следила за полетом ворона в сером небе.

– Вот бы и мы могли видеть то, что оттуда видит он!

Торак задумчиво посмотрел вслед улетающей птице.

Они уже начали спускаться в следующую долину, петляя между молчаливых берез, когда Торак, заметив новый след, сказал Ренн:

– Смотри-ка, а твоя выдра раньше нас тут побывала! – И он указал ей на цепочку тонких, как паутинка, следов и длинный гладкий желобок в снегу. Выдра сначала просто спускалась по склону, а затем съехала вниз на брюхе, как это любят делать все выдры.

Ренн улыбнулась. На мгновение оба представили себе, как эта веселая выдра каталась тут с горки на собственном брюшке.

Однако выдре, похоже, так и не удалось добраться до замерзшего озера у подножия холма. Возле большого валуна, шагов на двадцать выше берега, Торак обнаружил разбросанную рыбью чешую и обрывок сыромятного ремешка.

– Они ее поймали, – сказал он.

– Но почему? – возмутилась Ренн. – Ведь выдра – Охотник!

Торак только головой покачал. Действительно, возмущаться не имело смысла: законы Леса были этим колдунам совершенно безразличны.

Вдруг Ренн вся напряглась и прошипела:

– Прячься! – И дернула Торака за валун.

Сквозь деревья было видно, что по замерзшему озеру кто-то ходит. Непонятное существо шаркало задними ногами или лапами, покачивалось на ходу и явно что-то искало. Оно было очень высоким, шкура грязная, вся в каких-то лохмотьях; длинная спутанная грива развевалась на ветру. Торак вновь почувствовал знакомый запах падали, и до него донеслось влажное, булькающее дыхание твари. Затем существо повернуло к ним, и Торак сумел разглядеть грязное одноглазое лицо с загубелой, больше похожей на кору кожей. У него перехватило дыхание.

– Не может быть! – прошептал он.

Они с Ренн так и уставились друг на друга: это же Ходец!

В позапрошлую осень они уже встречались с этим ужасным на вид стариком, почти утратившим разум. Им тогда здорово повезло, что удалось уйти от него живыми.

– Что это он делает здесь, так далеко от своей родной долины? – еле слышно спросил Торак, когда они с Ренн совсем забились за валун, надеясь, что Ходец их не заметит.

– И как нам теперь пройти мимо него? – шепотом откликнулась Ренн.

– А может, нам и... не стоит проходить мимо него?

– Что?

– А то! Вдруг он видел, кто захватил в плен нашего Волка?

– Ты что, забыл? – яростно зашипела она. – Забыл, как он нас тогда чуть не убил? Как он мой лук в ручей бросил и грозился его сломать? Сломать мой лук!

Торак, правда, так и не понял, что для Ренн хуже: то, что Ходец мог их убить, или то, что он хотел сломать ее лук.

– Но ведь не сломал, верно? – рассудил Торак. – И он отпустил нас. Нет, Ренн, а вдруг он все-таки что-то видел?

– Значит, ты собрался просто пойти к нему и спросить, да? Торак, он же безумен! Что бы он нам ни сказал, верить ему НЕВОЗМОЖНО!

Торак открыл было рот, чтобы ответить ей... и тут снег вокруг них словно взорвался.

– Отдайте ЕГО немедленно! – взревел Ходец, размахивая своим зеленоватым сланцевым тесаком. – Она взяла его огонь! Она его обманула! Ходец хочет получить ЕГО назад!

– Ходец провел обманщиков! – ревел он, прищипливая Ренн и Торака к валуну. – Теперь пусть они отдадут ЕГО обратно!

Грива Ходца оказалась спутанными космами ягеля, с помощью которых он явно спасся от холода. Его мощные корявые ноги больше напоминали корни дерева. Из свернутого набок носа и воспаленного беззубого рта свисали длинные мерзкие сосульки из зеленоватой слизи.

Свою накидку, видимо задубевшую на морозе, он оставил на льду озера, чтобы сбить их с толку, и теперь стоял перед ними совершенно голый, если не считать набедренной повязки из шкуры, тоже задубевшей, но только от грязи, и привязанных к ногам снегоступов из заплесневелой древесной коры. На плечи он накинуд вонючую безрукавку из шкуры благородного оленя, которую он даже выскоблить то ли забыл, то ли поленился. Олений хвост и копыта так и остались болтаться по краям его «одежды», и это придавало ему особенно жуткий вид, когда он принялся размахивать своим ножом перед носом у Торака и Ренн.

– Это она ЕГО взяла! – орал он, орошая их брызгами своей вонючей слюны. – Она его обманула!

– Но я... ничего не брала, – заикаясь, пробормотала Ренн, пряча лук за спину.

– Ты разве нас не помнишь? – сказал Торака. – Мы никогда ничего не крадем!

– Не она! – зарычал Ходец. – А она! – Быстрая, как угорь, грязная рука его мелькнула в воздухе, и он схватил Торака за волосы, с силой откинув ему голову назад. Топор вылетел у Торака из рук и упал в снег. – Та, что боком ходит, – выдохнул Ходец, и от исходившей от него нестерпимой вони у Торака даже слезы на глазах выступили. – Это все она виновата, что Нарик пропал!

– Но мы-то ничего тебе не сделали! – умоляюще воскликнула Ренн. – Отпусти Торака!

– Топор! – Ходец словно плевался словами, не сводя с Ренн своего налитого кровью глаза. – Нож! Стрелы! Лук! В снег! Быстро, быстро, быстро!

Ренн тут же подчинилась всем его требованиям.

Ходец с такой силой прижал острие ножа к горлу Торака, что тот боялся вздохнуть.

– Она отдаст ему свой огонь, – прорычал он, – или он перережет этому волчьему мальчишке глотку! И он это сделает! Ох сделает!

У Торака перед глазами поплыли черные круги.

– Ренн, – задыхаясь, прошептал он, – кремень...

– Возьми! – крикнула Ренн, вытаскивая из своей трутницы кремень.

Старик ловко поймал его и швырнул Торака на землю.

– У Ходца есть огонь! – в восторге воскликнул он. – Прекрасный огонь! И теперь он сможет найти Нарика!

Самое время бежать. Торака и Ренн прекрасно это понимали, но даже не пошевелились.

– А та, что боком ходит... – задыхаясь, начал Торака, потирая горло.

– Она кто? – закончила его вопрос Ренн.

Старик повернулся к ней так быстро, что она в страхе присела, натянув на голову капюшон парки.

– Но ведь Ходец безумен, – усмехнулся Ходец. – Разве можно ему верить?

И он, схватив одно из копыт, свисавших с его одежды, принялся его сосать, потом все же пробормотал:

– Та, что боком ходит... она не одна. Ох нет! Ох нет! Кривые ноги и летучие мысли. – Он насторожился, сплюнул, чуть-чуть не попав отвратительным комком в Торака, и снова заговорил: – Большая она, как дерево! Маленьких тварей попросту ногами давит, маленькие ползуны и бегуны слишком слабы, чтобы с нею сражаться. – Болезненная судорога исказила его уродливое лицо. – Но хуже всех, – прошептал он, – Та-Что-в-Маске. Эта самая жестокая из жестоких!

Ренн в ужасе посмотрела на Торака.

– Но Ходец идет по следу! – прошипел старик. – О да! И он слушает холод!

– Куда же они направляются? – спросил Торака. – А Волк все еще жив?

– О волках Ходец ничего не знает! А они стремятся к пустым землям! На Дальний Север! – Старик поскреб татуировку на шее, почти незаметную под коркой грязи. – Сперва тебе холодно, а потом тепло. Потом тебе становится жарко, и ты умираешь. – Его горящий глаз уставился на Торака, и он усмехнулся. – Они собираются открыть ту Дверь!

Торак судорожно сглотнул:

– Какую дверь? Где?

Ходец вдруг громко запричитал и принялся бить себя по лбу кулаками.

– Но где же Нарик? Они его утащили, утащили, и мой Нарик пропал! – Он повернулся и побрел к озеру.

Торак и Ренн переглянулись, потом, подхватив свое оружие, бросились за ним следом.

Оказавшись на льду, Ходец подобрал свою драную накидку и вновь, шаркая ногами, принялся искать своего дружка; в конце концов один из его снегоступов не выдержал этих метаний и отлетел в сторону.

Торак принес его обратно – да так и застыл: ступня у старика была совершенно черная, отмороженная. Собственно, даже не ступня, а лишенная пальцев культя.

– Что с тобой случилось?

Ходец пожал плечами:

– А что всегда случается, когда теряешь огонь? Он откусил ему пальцы, так что Ходец их отрезал.

– Кто их откусил? – спросила Ренн.

– Он! Он! – рассердился Ходец и стал молотить ветер своими кулачищами.

Потом вдруг лицо его совершенно переменилось, и на мгновение Торак увидел, каким был этот человек до того несчастного случая, который отнял у него глаз и разум.

– Он никогда не отдыхает! Этот ветер не может отдыхать, потому что тогда он и существовать перестанет. Вот потому он такой и злой! Вот потому он и откусил Ходецу пальцы. – Он захихикал. – Ох и отвратительный же у них был вкус! Даже сам Ходец не смог их съесть! Ему пришлось их выплюнуть и оставить лисицам!

Торака затошнило. А Ренн и вовсе зажала рот обеими руками.

– А теперь Ходец все время падает. Но он все равно будет искать своего Нарика! – Старик потер косточками пальцев пустую глазницу.

«Нарик? – задумался Торак. – Это, наверно, та мышка, которая была любимым дружком несчастного старика!»

– Они что же, и Нарика с собой взяли? – спросил он. Надо было во что бы то ни стало заставить старика рассказывать дальше.

Ходец печально покачал головой:

– Нарик иногда уходит. Но всегда возвращается в новой шкурке. А в тот раз не вернулся.

– В новой шкурке? – заинтересовалась Ренн.

– Да, да! – то ли обиженно, то ли раздраженно воскликнул Ходец. – Лемминг. Полевка. Мышь. Какая разница кто? Все равно ведь это тот же Нарик!

– Ах вот как! – вздохнула Ренн. – Понятно. Новая шкурка.

– Только на этот раз, – горестно повторил Ходец, кривя рот, – Нарик не вернулся! – И он, спотыкаясь, побрел прочь по замерзшему озеру, подвывая от тоски по утраченному дружку.

Ренн и Торак почти с неохотой оставили старика и направились к лесу на том берегу озера.

– Ничего, теперь ему с огнем лучше будет, – тихо сказала Ренн.

– Нет, не будет, – возразил Торак. – Без Нарика – не будет.

Она вздохнула:

– Нарик мертв. Его, наверно, какая-нибудь сова на ужин слопала.

– Значит, ему нужен другой Нарик.

– Он его найдет! – Ренн попыталась улыбнуться. – Другого, в новой шкурке.

– Как он его найдет? Как ему с одним глазом мышь выследить?

– Идем. Нам лучше продолжать идти.

Торак колебался. Солнце садилось, а след быстро исчезал под стелющейся поземкой. И все же... Он прекрасно понимал, что чувствует сейчас Ходец. Этот вонючий, сердитый, безумный старик отыскал в своей жуткой жизни крошечную искорку тепла – своего Нарика, своего любимца. И теперь эта искорка погасла.

И прежде чем Ренн успела начать протестовать, Торак бросил на снег свое походное снаряжение и побежал назад, к озеру.

Старик даже не взглянул на подошедшего мальчика, и Торак тоже не стал с ним заговаривать. Опустив голову, он принялся искать на снегу нужные следы.

Ему не потребовалось на это много времени. Сперва, правда, он нашел след ласки и пошел по нему, тот же привел его к зарослям ивняка на берег. Там он присел на корточки и стал прислушиваться к слабому царапанию, которое и подсказало ему, где прячутся лемминги.

Их зимнее убежище со множеством входов-выходов походило на маленькую барсучью нору. Внимательно оглядев снег возле норы, Торак отыскал одно входное отверстие, вокруг которого образовалось тоненькое колечко из ледяных иголок – замерзшее дыхание лемминга. Это означало, что жилец дома.

Торак отметил вход в норку двумя скрещенными ивовыми веточками и побежал за стариком.

– Ходец! – негромко окликнул он его.

Старик резко обернулся.

– Нарик. Он там, – тихо сказал Торак.

Ходец так и впился в него единственным глазом и послушно пошел следом за Тораком к отмеченной скрещенными веточками норке.

А потом Торак стоял и смотрел, как Ходец, опустившись на колени, нежно, бережно расчищал снег у входа в норку. Он даже наклонился и сдул последние снежинки.

В норке, на уютной постельке из сухой травы, лежал маленький лемминг, размером примерно в половину ладони Торака, – мягкий дышащий комочек черно-рыжей шерсти.

– Нарик! – еле слышно выдохнул Ходец.

Лемминг проснулся и от неожиданности резко вскочил на все четыре лапки, а потом угрожающе зашипел, пытаясь испугать незваного гостя.

Ходец, улыбаясь во весь рот, протянул к нему свою огромную грязную ручищу.

Шерстка у лемминга встала дыбом, и он снова угрожающе зашипел.

Ходец не пошевелился.

Лемминг сел и стал яростно чесать за ухом задней лапкой. Затем покорно влез на подставленную ладонь, свернулся в клубочек и снова уснул.

Торак повернулся и, не говоря ни слова, оставил их наедине друг с другом.

Когда он вернулся на берег озера, Ренн подала ему ранец и прочие пожитки и сказала с чувством:

– Это ты хорошо сделал!

Торак пожал плечами. Потом улыбнулся:

– Нарик, правда, несколько вырос с тех пор, как мы его видели. Теперь это лемминг.

Она засмеялась.

Они успели отойти совсем недалеко, когда позади послышался хруст снега и сердитое бормотание Ходца.

– Ох нет! – вырвалось у Ренн.

– Но я же ему помог! – сказал Торак.

– Подарок? – проревел Ходец. В одной руке он сжимал свой жуткий тесак, которым все время размахивал, а другой рукой прижимал к груди вновь обретенного Нарика. – Неужели они думают, что могут просто подарить, а потом убраться восвояси? Неужели они думают, что Ходец все старые правила позабыл?

– Прости, Ходец, – сказал Торак, – но нам...

– Подарок требует ответного подарка! Вот как полагается делать! И теперь Ходец должен отдариться!

Торак и Ренн просто представить себе не могли, что же он сделает дальше.

– Черный лед, – взвыл Ходец, – белые медведи, красная кровь! Они ищут Глаз Гадюки!

У Торака перехватило дыхание.

– Это еще что такое?

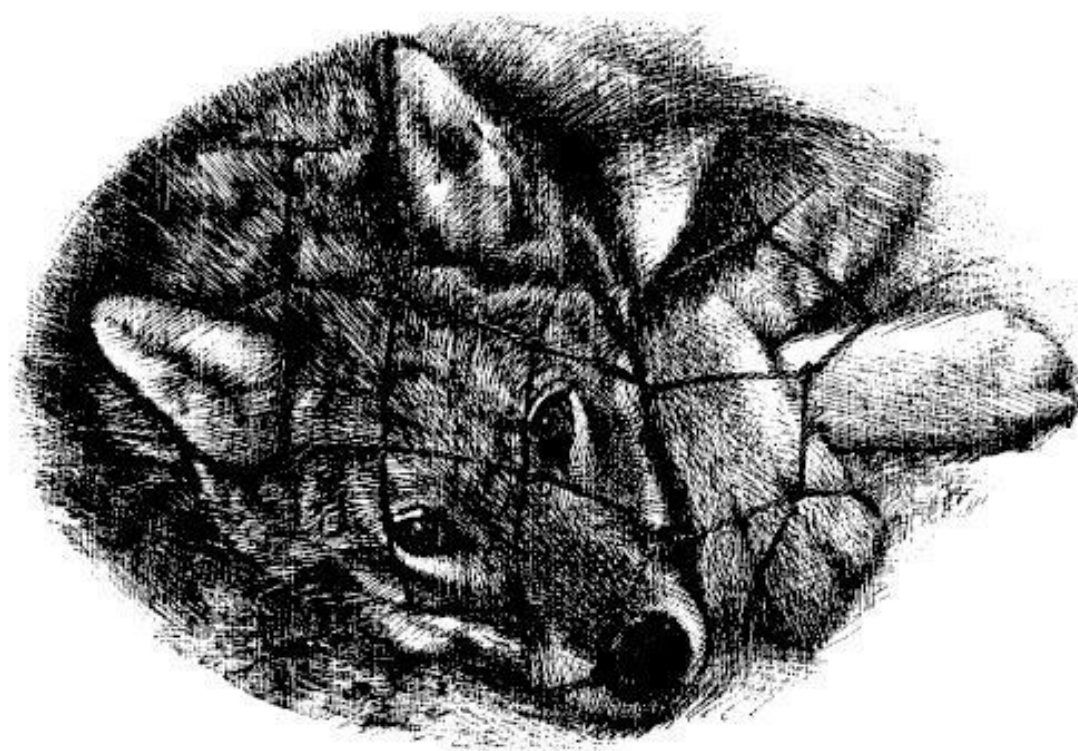
– О, он это узнает! – воскликнул Ходец. – Лисицы ему расскажут.

Он вдруг резко согнулся пополам, точно сломанное ветром дерево, и посмотрел на Торака взглядом, исполненным такой мудрости и невыносимой боли, что у мальчика защемило сердце.

– Войти в Глаз Гадюки, – еле слышно выдохнул Ходец, – значит войти во тьму! Ты сможешь снова отыскать путь наружу, мальчик-волк, но, как только ты войдешь туда, тебе никогда больше не быть прежним. Оно возьмет себе часть тебя и оставит ее там, в темноте. Себе оставит.

Глава 4

Тьма напознала на Лес, но Волк этого даже не замечал. Его поймала в ловушку собственная Тьма – эта Тьма была вызвана его гневом, болью и страхом.

Ужасно болел кончик хвоста, который ему отдавили в пылу схватки, а еще сильно болела передняя лапа, пораненная большим холодным когтем. Он даже пошевелиться не мог – так крепко его скрутили и привязали к какому-то странному скользкому дереву, которое эти противные бесхвостые тащили по Белому Мягкому Холоду. Он даже раны свои вылизать не мог. Бесхвостые вытянули его и закатали в драную оленью шкуру, так сильно сдавив ему грудь, что было трудно дышать. Эта драная шкура, впрочем, была совсем не похожа ни на одну из тех, которые ему довелось видеть среди бесхвостых. Она была прямо-таки покрыта дырками, но отчего-то оказалась крепче бедренной кости зубра.

Рычание так и рвалось из его груди наружу, однако и морду ему тоже обмотали такой же драной шкурой, так что выпустить рычание на свободу он никак не мог. И это было хуже всего. То, что он не мог ни зарычать, ни лязгнуть зубами, ни завывать. Было просто невыносимо слушать, как отчаянно звал его Большой Бесхвостый Брат, а он не мог ему даже ответить.

Где-то внутри себя Волк отчетливо видел маленькие фигурки Бесхвостого Брата и его храброй полувзрослой самки, которые стремились следом за ним. Они спешили спасти его. И Волк знал это столь же определенно, как собственный запах. Большой Бесхвостый был ему братом, а настоящий волк никогда не оставлял своего брата в беде.

Но сможет ли Большой Бесхвостый его отыскать? Он, конечно, умен, но вот искать умеет не так хорошо, потому что он все-таки не совсем настоящий волк. Да, он пахнет, как волк, и говорит он, как волк, даже если высокие тона ему и не даются. И глаза у него светлые, серебристо-серые, и душа у него волчья. Но бежит он очень медленно и только на задних лапах и запахи различать умеет плохо...

Внезапно скользящее дерево под ним вздрогнуло и остановилось. Волк услышал резкие лающие звуки – речь бесхвостых, – затем хруст Белого Мягкого Холода. Это означало, что они начали копать себе Логово.

Где-то совсем рядом с Волком очнулась выдра и принялась жалобно мяукать. Она все мяукала и мяукала, и Волку страшно хотелось взять ее зубами за шиворот да встряхнуть как следует, чтоб замолчала.

Он услышал, что сзади к нему приближается один из бесхвостых, но был слишком стиснут и сплюснен, чтобы повернуться и посмотреть. Зато уловил запах рыбы. И выдра наконец перестала верещать, повозилась немного и принялась чем-то хрустеть. Уже одно это было большим облегчением.

В нескольких прыжках от Волка с ревом ожил Яркий Зверь, Который Больно Кусается. Волк смотрел, как бесхвостые собираются вокруг него.

Эти противные бесхвостые сильно его озадачивали. До сих пор он думал, что знает этот народ. Во всяком случае ту стаю, с которой бегал Большой Бесхвостый Брат, ту, которая пахнет вороном. Но эти... эти бесхвостые, безусловно, были плохими!

Почему, например, они на него напали? Бесхвостые волкам не враги. Враги волков – это медведи да еще рыси, которые прокрадываются в волчье Логово и убивают волчат. Но не бесхвостые.

Волку, конечно, и раньше встречались плохие бесхвостые; да и хорошие бесхвостые порой рычали и махали на него своими передними лапами, когда он слишком близко подходил к их добыче. Но напасть без предупреждения? Ни один настоящий волк так никогда не сделает!

Напрягая уши, глаза и нос, Волк смотрел, как стая бесхвостых рассаживается на корточках вокруг Яркого Зверя. Ему даже удалось чуть-чуть пошевелить ушами, примятыми драной оленьей шкурой, чтобы лучше слышать, и он изо всех сил втянул носом воздух, чтобы лучше различить и запомнить свойственные им странные запахи.

От тощей самки пахло свежей листвой, но язык у нее был черным и острым, как у гадюки, а ее кривая усмешка ничего хорошего не предвещала и была столь же лишена смысла, как скелет зверя, добела обчищенный воронами.

Вторая самка, высокая, крупная, с кривыми, уродливыми задними лапами, явно была очень умна, но Волк видел, что она весьма неуверенно чувствует себя в собственной стае, не понимает толком, каково ее место среди братьев, да и собой, похоже, не слишком довольна. К ее верхней шкуре была приделана полоска еще какой-то незнакомой вонючей шкурки. И эта шкурка явно принадлежала той «странной добыче», которая и заманила Волка в западню.

И наконец, в стае имелся еще огромный самец с длинной светлой шерстью на голове и на морде. Дыхание его пахло еловой кровью. Этот бесхвостый был хуже всех, потому что ему нравилось причинять другим боль. Он, например, смеялся, когда нарочно отдал Волку хвост; смеялся, когда проткнул ему лапу своим большим холодным когтем.

И теперь именно этот бесхвостый со светлой шерстью встал на задние лапы и направился к Волку.

Волк глухо зарычал.

Бесхвостый оскалился и взмахнул своим большим когтем у самого волчьего носа.

Волк вздрогнул.

А бесхвостый опять рассмеялся. Ему нравилось пугать Волка.

Но что это? Морда Волка вдруг оказалась на свободе! Этот бесхвостый со светлой шерстью освободил ему морду с помощью своего острого когтя!

Волк воспользовался такой возможностью и с силой рванулся – но дырчатая оленья шкура по-прежнему держала крепко, а дотянуться до нее зубами и перегрызть он не мог.

И тут к нему подошла та крупная бесхвостая самка с кривыми задними лапами и куском вонючей шкурки на своем теле.

Тот, со светлой шерстью, снова пырнул Волка своим когтем, но Вонючая Шкура так на него зарычала, что бесхвостый самец больше колоть Волка не стал, а тяжело и долго смотрел на уродливую самку, давая ей понять, кто в их стае вожак, а потом медленно побрел прочь.

Присев на корточки рядом с Волком, кривоногая самка просунула сквозь дырку в оленьей шкуре полоску лосиного мяса.

Волк мясо не взял. Неужели эти бесхвостые думают, что он такой дурак? Неужели они считают его какой-то собакой, которая у кого угодно мясо возьмет?

Вонючая Шкура подняла вверх передние лапы, а потом пошла прочь.

Тогда та самка с черным языком гадюки отошла от Яркого Зверя, приблизилась к Волку и, опустившись на колени, тихонько с ним заговорила.

И он невольно стал ее слушать. Ее голос немного напоминал ему ту половзрослую самку, что стала сестрой по стае Большому Брату. Та самка тоже говорила резко и умно, но внутри была очень мягкой и доброй. Слушая эту самку с языком гадюки, Волк носом чуял, что она его не боится, что ей просто интересно.

Он вздрогнул, когда она протянула к нему свою переднюю лапу, но трогать его не стала. Однако он вдруг почувствовал, как к его боку прикасается что-то холодное. У него даже усы задрожали от отвращения. Она смазывала его шерсть кровью лося!

Но сам запах был настолько замечательным, настолько вкусным, что нос у Волка сразу стал мокрым, а из головы напрочь вылетели все мысли. Он еще немного боролся с собой, но потом не выдержал, как-то извернулся и стал себя вылизывать.

Он понимал: это очень странно, что самка так поступает, да и в голосе ее слышалось нечто такое, что заставляло его проявлять осторожность, но остановиться он не мог. Инстинкт хищника уже проснулся в его душе, да и сила лося вместе с его кровью стала стремительно вливаться в его тело и лапы. И Волк продолжал себя вылизывать.

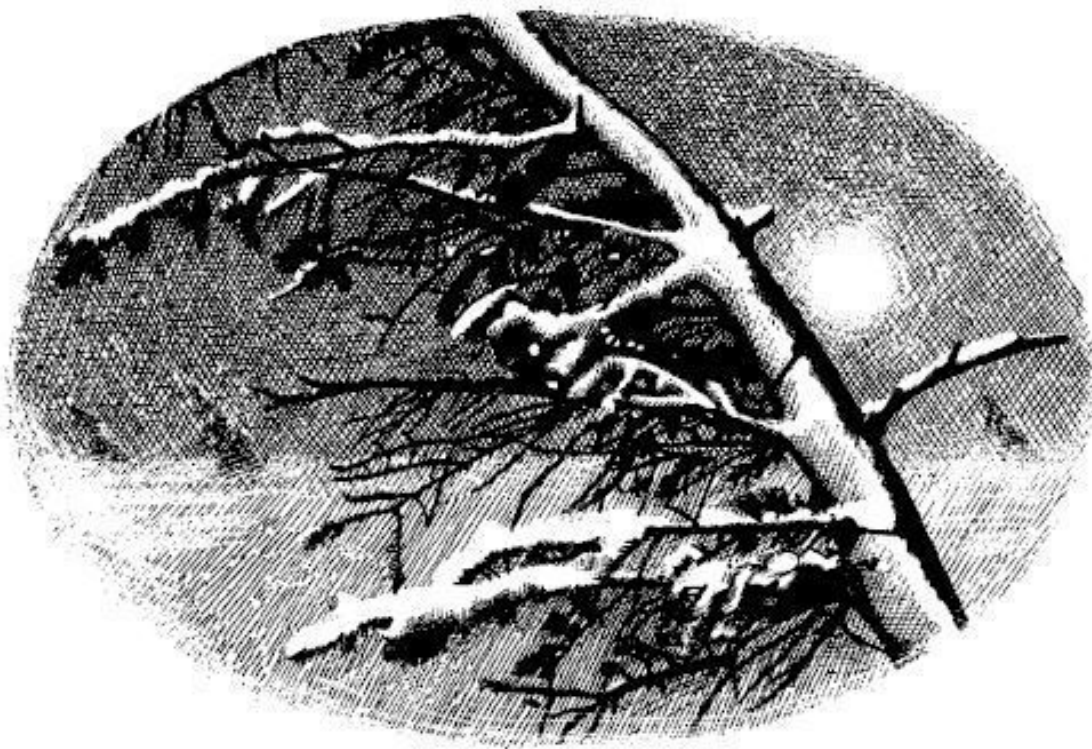

А потом он вдруг почувствовал себя очень усталым. Голову заполнил какой-то черный туман, и он с трудом заставил себя держать глаза открытыми. У него было такое ощущение, словно его придавили к земле огромным камнем.

Сквозь этот черный туман он слышал тихий и какой-то скользкий смех той самки со змеиным языком и понимал, что она его обманула. Та лосиная кровь, которой она его накормила, была плохой, и теперь он уходил во Тьму.

Черный туман стал гуще. Страх стиснул душу Волка своими беспощадными челюстями, и он в последнем проблеске сознания послал Большому Бесхвостому Брату свой прощальный клич.

Глава 5

– Тебе страшно? – спросил Торак.

– Да, – призналась Ренн.

– Мне тоже.

Они стояли на опушке Леса под последним – самым последним – деревом. Перед ними под бескрайними небесами расстилось совершенно пустое белое пространство. Кое-где виднелись, правда, отдельные кривоватые ели, умудрившиеся выстоять под напором ветра, – иных признаков жизни здесь не было.

Они находились сейчас в таких далеких северных краях, куда почти никогда не заходили представители лесных племен, разве что Фин-Кединн в молодости не раз посещал эти замерзшие земли. После встречи с Ходцом прошло два дня, и за это время Торак и Ренн успели пересечь три долины и издали полюбоваться далеким сверканием ледника – той могучей ледяной реки у подножия Высоких Гор, где позапрошлой зимой была стоянка племени Ворона и откуда Торак ушел на поиски Священной Горы и Великого Духа.

Они стояли, глядя на след, оставленный похитителями Волка, и холодный северный ветер дул им прямо в лицо. След был отчетливо виден на снегу, точно прорезанный ножом.

– Не думаю, что мы сами сумеем с ними справиться, – сказала Ренн. – Нам нужна помощь. Нам нужен Фин-Кединн.

– Но сейчас мы никак не можем повернуть назад, – возразил Торак. – У нас просто нет на это времени.

Ренн промолчала. С тех пор как они встретились с Ходцом, она вообще стала на редкость покорной. Интересно, думал Торак, может, и у нее тоже не выходят из головы слова безумного старика? Кривые ноги и летучие мысли... та, что боком ходит... большая, как дерево... Все это пробуждало в его душе воспоминания о рассказе Фин-Кединна. Вождь племени Ворона почти так и описывал Пожирателей Душ. Но Торак никак не мог заставить себя

хотя бы упомянуть вслух эту жуткую кличку – Пожиратели Душ. И зачем им понадобился Волк? Почему они сразу не схватили его, Торака?

В общем, он больше ничего Ренн объяснять не стал, сказал только:

– Мы нужны Волку.

И Ренн снова ни слова ему не ответила.

Тораку вдруг стало страшно: а что, если она сейчас попросту развернется и пойдет назад? Скажет: пусть он сам решает эту задачу. При мысли об этом Торака охватил такой ужас, что стало трудно дышать.

Он тупо смотрел, как Ренн смахивает снег со своего лука и пристраивает его на плечо. И, чувствуя внезапный озноб, обхватил себя руками, готовясь к самому худшему.

– Ты прав, – бросила Ренн. – Идем. – И, не оглядываясь, первой вышла из-под спасительной сени деревьев.

Торак молча последовал за нею в этот белый неизведанный простор.

Как только Лес остался позади, небо опустилось совсем низко, словно стремилось раздавить их, а северный ветер принялся сечь лицо снеговой крупой.

В Лесу Торак всегда помнил о ветре и остерегался его – должен был остерегаться, будучи Охотником, – но, если не считать гроз и метелей, ветер там никогда не представлял собой особой угрозы, потому что его сдерживала великая сила Леса. Но здесь, на открытом пространстве, ничто не способно было его удержать. Здесь ветер казался куда сильнее и холоднее, здесь он стал совсем диким, похожим на злобного невидимого духа, который стремился во что бы то ни стало ошеломить, напугать до полусмерти этих ничтожных людишек, этих незваных гостей.

Деревья встречались все реже и становились все ниже ростом, потом стали попадаться, да и то лишь изредка, совсем крошечные, по колено, ивки или березки. А потом не стало и их. Под снегом исчезла всякая растительность. И вокруг не было никого – ни охотника, ни дичи. Только пустое белое пространство.

Торак обернулся и с ужасом увидел, что Лес, оставшийся далеко позади, кажется узенькой черной полоской.

– Это же настоящий край света! – Ренн пыталась перекрыть вой ветра. – Как далеко простирается эта белая земля? А что, если мы не заметим, где она кончается, и упадем?

– Если край света действительно там, – откликнулся Торак, – то похитители Волка свалятся с него первыми!

И очень удивился, когда Ренн в ответ на его шутку улыбнулась, показывая свои мелкие остренькие зубки.

День клонился к вечеру. Здесь, на открытом пространстве, снег был гораздо плотнее, чем в Лесу, так что снегоступы оказались не нужны, но северный ветер собирал снег в невысокие, но твердые гребни, которые порой было не так-то просто преодолеть.

Ветер почти улегся. И лишь слегка задувал с северо-востока.

Сначала они испытали облегчение. Но потом Торак понял, что происходит. Вскоре он уже не мог разглядеть даже собственные ступни. Казалось, они бредут по снеговой реке с быстрым течением. Длинные призрачные языки поземки текли, обвивая колени, как дым, и быстро заметая такой необходимый Тораку след.

– Ветер прячет следы! – крикнул он Ренн. – Он знает, что следы нам нужны, и уничтожает их!

Ренн пробежала немного вперед, чтобы посмотреть, не яснее ли там виден след. Потом подняла руки вверх и крикнула:

– Ничего не видно! Даже ты не сможешь теперь этот след отыскать!

Когда она снова подбежала к Тораку и он увидел ее лицо, сердце у него упало: он понял, что она ему сейчас скажет. Собственно, он и сам думал о том же.

– Торак, мы поступили неправильно! Нам тут не выжить. Надо возвращаться назад.

– Но ведь люди-то тут живут, верно? – не сдавался Торак. – Во Льдах живет множество племен – например, племя Нарвала, племя Белой Куропатки, племя Песца. Да и Фин-Кединн так говорил.

– Но они знают, как тут можно выжить. А мы – нет.

– Зато... у нас есть вяленое мясо и растопка для костра. И мы умеем отыскивать путь по Северной звезде. И мы можем сделать повязки из коры, чтобы прикрыть глаза и не получить снежную слепоту. Да и дичи тут всякой полно... Белые куропатки, зайцы... Кстати, Фин-Кединн рассказывал, что именно так ему и удалось здесь выжить.

– А когда у нас кончится топливо? – спросила Ренн.

– Ничего: тут растут маленькие ивы – помнишь, он о них тоже рассказывал? – они, правда, вырастают лишь по колено, но все-таки костерок разжечь можно...

– И ты уверен, что сумеешь разглядеть хоть одну такую иву? Они же все снегом засыпаны!

Лицо Ренн было очень бледным, и Торак понимал, что за ее возражениями таится куда более сильный, внутренний страх. Лесные племена шепотом рассказывали немало пугающих историй о Дальнем Севере. О невероятно густых туманах, которые способны подхватить человека и, сколько бы он ни бился и ни кричал, унести прямо на небеса. Об огромных белых медведях, которые гораздо крупнее и свирепее бурых, лесных. О снегопадах, которые здесь столь обильны, что им ничего не стоит похоронить тебя заживо. И Ренн хорошо знала, что такое эти снегопады. Когда ей было всего семь лет, ее отец осмелился пойти по ледяной реке на восток от озера Топора. И живым назад не вернулся.

– Одним нам с этим не справиться, – обреченно сказала Ренн.

Торак потер ладонью лицо:

– Согласен. И сегодня, по крайней мере, мы даже пробовать не будем. А сейчас надо как-то устроиться на ночлег.

И Ренн с явным облегчением воскликнула:

– Вон там подходящий холмик! Там можно выкопать в снегу пещеру.

Торак кивнул:

– А потом я попытаюсь все же отыскать след.

– Как? – с тревогой спросила Ренн.

Он немного помолчал, словно колеблясь, потом пояснил:

– Я хочу воспользоваться своей блуждающей душой.

Ренн даже рот от неожиданности приоткрыла.

– Нет, Торак, нет!

– Послушай меня. С тех пор как мы с тобой видели того ворона, он у меня из головы не выходит. Я думаю, что смогу отправить свою душу странствовать в обличье птицы. Я совершенно уверен, что смогу! И тогда я поднимусь высоко в небо и оттуда все хорошенько рассмотрю. Надеюсь, что отыщу этот проклятый след!

Ренн упрямо скрестила руки на груди:

– Летать умеют только птицы. Ты не умеешь.

– А мне это и не нужно, – сказал Торак. – Когда мои души окажутся внутри птичьего тела – например, ворона, – я буду видеть то, что видит этот ворон, и чувствовать то, что чувствует он. Но я по-прежнему останусь самим собой.

Ренн задумчиво покружила возле него, потом остановилась и посмотрела ему прямо в глаза.

– Саеунн говорит, что ты еще не готов. Она великая колдунья. Она знает.

– Я же делал это прошлым летом...

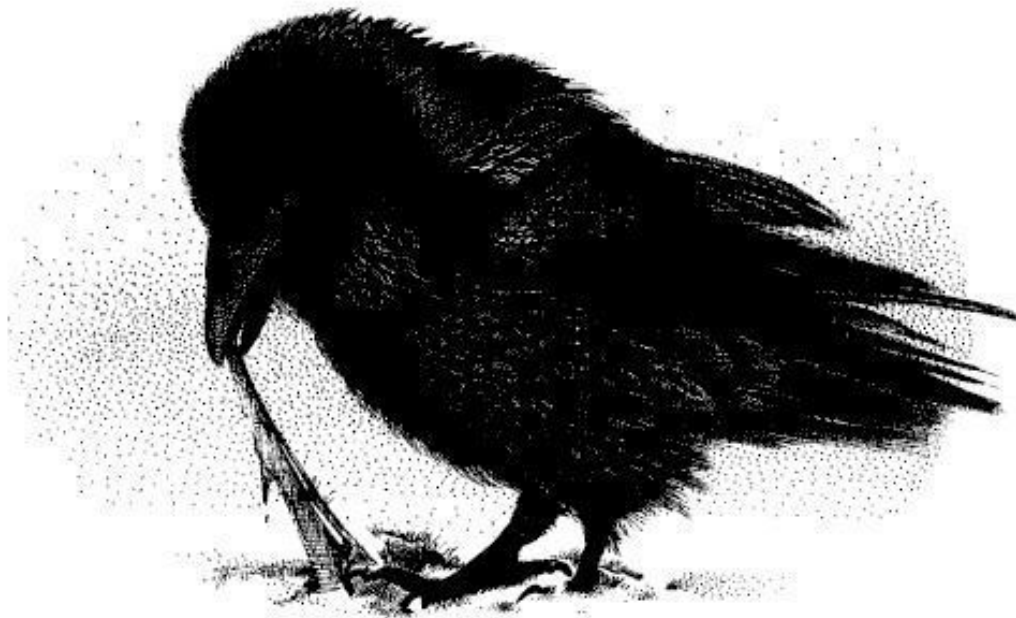
– Случайно! И вспомни, как тебе тогда досталось! К тому же ты не смог управлять чужим телом! Торак, твои души ведь могут застрять внутри иного существа, ты так и не сумеешь выбраться наружу! Что тогда станет с твоим телом? Оно что, так и будет лежать на снегу и лишь одна-единственная внешняя душа станет поддерживать в нем жизнь? – Голос Ренн звучал пронзительно, на щеках у нее от волнения выступили два ярких красных пятна. – Ты же просто умрешь – вот чем это кончится! И я буду вынуждена сидеть здесь, среди снегов, и смотреть, как ты умираешь!

Торак ничего не мог возразить ей. Все, что она говорила, было сущей правдой. Но все же попросил:

– Ты мне только помоги найти какого-нибудь ворона. А потом еще поможешь мне выпустить мои души на волю. Ну что ты молчишь? Ты мне поможешь или нет?

Глава 6

– Во-первых, – сказал Торак, – нам надо подманить ворона.

Но тщетно он ждал, что Ренн тоже выскажет свое мнение. Она молча продолжала копать пещерку в снегу, ясно давая понять, что эта его идея ей совершенно не нравится.

– Я на опушке Леса гнездо приметил, – снова заговорил Торак.

Но Ренн по-прежнему молчала; ее топорик без устали врубался в плотный снег, комья так и летели.

– Отсюда до этого гнезда примерно день пути, – прибавил Торак, – но вороны, возможно, летают сюда кормиться. Я и наживку с собой прихватил.

Топор Ренн на мгновение застыл в воздухе.

– Какую еще наживку?

Торак с гордостью извлек из своего ранца белку.

– Я ее вчера подстрелил. Когда бурдюки водой наполнял.

– Значит, ты уже давно это задумал? – обвиняющим тоном сказала Ренн.

Торак посмотрел на белку:

– Н-ну... Я просто подумал, что она мне может пригодиться.

Ренн снова – с удвоенной силой – принялась рубить плотный снег.

Торак положил белку в двадцати шагах от того места, где должно было появиться их снеговое убежище, – чтобы его телесной и племенной душам не пришлось далеко идти, когда они должны будут покинуть его и проникнуть в тело ворона. Во всяком случае, он на это надеялся. Он, разумеется, понятия не имел, что из этого получится. Он вообще почти ничего не знал о возможностях блуждающей души. Да и вряд ли кто-то знал об этом больше его.

Он вытащил охотничий нож, выпотрошил белку и чуть отступил, любуясь столь аппетитной приманкой.

– У тебя так ничего не получится! – крикнула Ренн.

– Ну и ладно, я хотя бы попытаюсь, – сказал он.

Она вытерла лоб тыльной стороной рукавицы.

– Ты не понял. Я хотела сказать, что ты все сделал неправильно. Вороны слишком умные птицы, их так просто не проведешь: они сразу догадываются, что это ловушка.

– Ага, – кивнул Торак, – пожалуй, ты права.

– Надо сделать так, чтобы они подумали, будто эту белку волк растерзал. Или еще какой-нибудь хищник. Тогда еще, может, что-то и выйдет.

Торак кивнул и принялся за работу.

И Ренн, словно позабыв о том, что его план ей совершенно не по душе, тут же стала ему помогать. С помощью ее скребка из лопаточной кости они изрубили беличьи внутренности в мелкие кусочки, перемешали их со снегом и старательно разбросали вокруг эти кровавые ошметки. Затем Торак отрезал белке заднюю лапу и отшвырнул ее – «чтобы казалось, что волк просто отбежал в сторонку, намереваясь спокойно угоститься».

Ренн осмотрела «волчью добычу» и с довольным видом кивнула:

– Так уже лучше.

Тени стали синими, а ветер улетел домой, на север, оставив после себя лишь легкий низовой бриз, наметавший снежок на изуродованный беличий трупик.

– Вороны будут пролетать здесь, когда отправятся домой, в свои гнезда, – сказал Торак. – Но это будет не раньше рассвета.

Ренн поежилась и сказала:

– Скорее всего, они тут вообще не пролетят. Зато, если верить Фин-Кединну, тут полно песцов, и нам придется всю ночь бодрствовать, чтобы отгонять их от беличьей тушки.

– И костра мы разжечь не можем, иначе вороны его сразу почуют, – подхватил Торак.

Ренн озабоченно закусила губу:

– А ты знаешь, что тебе и есть ничего нельзя? Чтобы войти в транс, нужно непременно поститься.

Об этом Торак совсем позабыл.

– А тебе-то есть можно?

– Я поем, но постараюсь, чтобы ты этого не увидел. А потом приготовлю особую мазь, чтобы высвободить твои души.

– Неужели у тебя есть все, что для этого нужно?

Ренн похлопала рукой по своему заветному мешочку с целебными травами.

– Да. Я кое-что собрала в Лесу.

Губы Торака изогнулись в усмешке.

– Значит, ты тоже об этом думала?

Но Ренн на его улыбку не ответила.

– Нет, но мне показалось, что запас целебных трав мне не помешает.

Небо быстро темнело, в вышине уже поблескивали звезды.

– А до рассвета еще ах как далеко! – прошептал Торак.

Ночь им явно предстояла холодная и очень долгая.

Торак скорчился в своем спальном мешке, пытаясь унять дрожь. Он всю ночь трясся от холода, и это ему уже порядком надоело. Выглянув наружу сквозь сделанную в снежной пещерке щель, он увидел в небе яркий месяц и понял, что рассвет уже близко. Небо было ясное – но ни один ворон пока так и не пролетел.

В одну из рукавиц Торак спрятал кусок бересты с приготовленной Ренн мазью. Эта мазь, по ее словам, способствовала высвобождению душ и представляла собой смесь оленьего жира и трав. Мазь следовало размазать по лицу и рукам, после того как Ренн подаст ему соответствующий сигнал. В другой рукавице у Торака был спрятан маленький мешочек из сыромятной кожи, перетянутый сухожилием. В нем было то, что Ренн называла «дымным зельем». Но на все просьбы Торака разъяснить, что это такое, она отвечала, что лучше ему этого не знать. И он не стал настаивать, понимая, что в колдовстве Ренн понимает гораздо больше его. У нее был настоящий дар, который, кстати, давно заметила Саеунн, только сама Ренн этот дар по неизвестным причинам, в которые никогда не вдавалась, упорно пыталась отрицать. А когда ей все-таки приходилось пользоваться своими колдовскими умениями, у нее всегда портилось настроение.

В животе у Торака громко забурчало от голода, и Ренн ткнула его локтем. Он попытался было снова задремать, но это ему не удалось. Есть хотелось так сильно, что Торак был уверен: если ворон в ближайшее время не появится, он сам пойдет и съест эту белку!

На востоке только-только появилась тоненькая розовая полоска, когда поблекшее звездное небо словно перечеркнула черная тень.

И Ренн снова толкнула Торака локтем.

– Да-да, я тоже его вижу, – шепотом откликнулся он.

За первой тенью мелькнула вторая: самец и самка. Они рядышком покружили над растерзанной белкой и... полетели прочь.

Но через некоторое время вернулись и снова стали кружить, спустившись немного ниже. На пятый раз они пролетели уже так низко, что Тораку был слышен сильный ритмичный шелест их крыльев.

Он видел, как птицы поглядывают по сторонам, изучая землю внизу, и думал: «Хорошо, что я закопал свое оружие рядом со снеговой пещеркой». Их убежище Ренн превратила в совершенно неприметный холмик, в котором была одна-единственная щель для воздуха и наблюдения. Вороны и впрямь птицы чрезвычайно умные, и чувства у них острые, как болотная трава.

Восточный край неба уже сиял ослепительным желтым светом, а вороны все кружили над землей, следя за «добычей».

Вдруг один из них, сложив крылья, камнем упал с высоты на землю.

Торак мигом скинул обе рукавицы, чтобы в любое мгновение быть готовым.

Ворон молча сидел на снегу. Из его приоткрытого клюва облачком вырывалось дыхание. Ворон внимательно смотрел на щель в стене их снеговой пещерки. Это была крупная птица: размах его крыльев был шире, чем раскинутые в стороны руки Торака. Ворон был совершенно черным. Глаза, оперение, лапки, когти – все было черным в точности как у Самой Первой Воронихи, что пробудила солнце от зимнего сна и за свои труды была вознаграждена тем, что обгорела дочерна.

Этого ворона, однако, куда больше солнца интересовала белка, к которой он и приближался осторожной, как бы скованной походкой.

– Сейчас? – одними губами спросил Торак.

Ренн помотала головой.

Ворон осторожно клюнул растерзанную тушку. Затем подпрыгнул высоко в воздух, снова приземлился – и улетел прочь. Он просто проверял, по-настоящему ли мертва эта белка.

Поскольку зверек так и не пошевелился, вниз слетели уже оба ворона. И осторожно подошли к белке.

– Сейчас! – тоже одними губами приказала Ренн.

Торак размазал по лицу снадобье, издававшее сильный кисловатый запах зелени, от которого даже глаза немного щипало, а кожа тут же начала зудеть. Затем он развязал кожаный мешочек и втянул в себя ртом «дымное зелье».

– Проглоти все целиком, – шепнула ему на ухо Ренн, – и не вздумай кашлять!

Дым оказался горьким, едким, так что желание откашляться было почти нестерпимым. Но Торак сдерживался, чувствуя на щеке взволнованное дыхание Ренн.

– Да летит с тобой наш Хранитель! – услышал он ее шепот.

Перед глазами у него все плыло. Он еще успел заметить, как ворон-самец, нацелившись на замерзшие внутренности белки, с силой потянул их клювом. И тут самого Торака пронзила такая острая боль, что ему показалось, будто это его внутренности тянут у него из живота, и на мгновение его охватила паника: «Нет, нет, я не хочу...»

И вдруг он понял, что сам тянет своим мощным клювом внутренности белки и, придерживая их когтистой лапой, старательно отделяет друг от друга вкусные смерзшиеся кусочки.

Он быстро набил себе зоб, потом подумал немного и выклевал белке глаз. Наслаждаясь нежным вкусом скользкого и сочного глазного яблока, он взмахнул крыльями и легко взлетел, подхваченный ветром, и ветер понес его ввысь, к свету.

Ветер был студеный и невообразимо сильный, и сердце ворона ликовало, когда сильные крылья несли его все выше и выше. Ему страшно нравился этот холодок, проникавший под плотное черное оперение, приятен был запах льда, его веселил дикий смех и удалые вопли ветра. Его восхищала та легкость, с которой он взмывал на плечах этого ветра ввысь и там парил, чуть покачиваясь и с необычайной легкостью плавно завершая очередной круг, стоило лишь шевельнуть маховыми перьями. Ах как хороши были его великолепные, мощные крылья!

Что-то прошелестело рядом – это взлетела самка. Потом она, сложив крылья, словно прокатилась верхом на ледяном ветре, изящно изгибая хвост и приглашая его на небесный танец. И он скользнул за нею следом, а потом они, сцепив свои обледеневшие когти, сложили крылья и вместе нырнули вниз.

Они камнем падали сквозь струи ледящего воздуха – черный комок перьев на фоне встающего солнца, – а потом, чуть замедлив скорость падения, увидели, как огромный белый мир внизу метнулся им навстречу, и одновременно разомкнули сцепленные когти. А потом самец широко раскрыл крылья, ударил ими по плечу ветра и вновь воспарил, кругами поднимаясь все выше, к солнцу.

Зоркими глазами ворона Торак теперь мог видеть очень далеко и во все стороны сразу. Далеко на востоке он заметил на снегу крошечную белую искорку – песка. На юге виднелась темная полоса Леса. На западе громоздились ледяные торосы замерзшего Моря. А на севере по снегу двигались две человеческие фигурки.

И ворон с громким криком бросился в погоню.

«Карк?» – изумленно окликнула его самка.

Но он ей даже не ответил. Оставив ее далеко позади, он быстро летел на север, и покрытая снегом земля неслась внизу, точно белая река.

Подлетев ближе, он сделал круг, спустился вниз и в одно мгновение, навсего врезавшееся в его память, ухватил сразу все подробности происходящего.

Торак увидел людей, тащивших салазки вместе с привязанным к ним Волком. Он напряженно вглядывался зоркими глазами ворона, пытаясь уловить хотя бы мельчайшее движение волчьей лапы. Ему хотелось убедиться, что Волк еще жив. В этот момент один из похитителей остановился – стянул с головы капюшон парки и распустил завязки на шее, чтобы выпустить скопившийся под паркой жар. Торак успел заметить черно-синюю татуировку на груди человека: трезубец, знак Пожирателя Душ!

Из клюва ворона невольно вырвался испуганный крик: «Пожиратели Душ! Волка взяли в плен Пожиратели Душ!»

И он взлетел, поднимаясь все выше, выше, и тут солнце ослепило его. А ветер резким порывом швырнул его в сторону, пытаясь сбросить на землю.

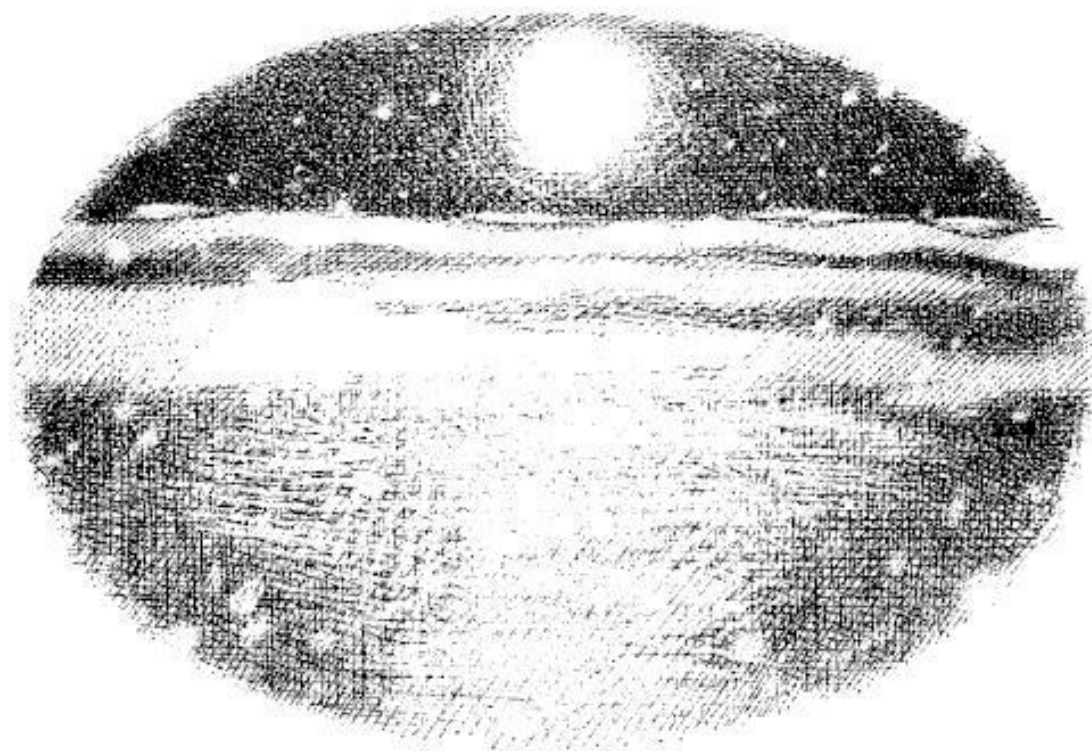
Все мужество Торака разом треснуло, как тонкий ледок.

Ветер победоносно взвыл.

Острая боль пронзила внутренности Торака – и он снова стал самим собой, падая на землю с огромной высоты.

Глава 7

Очнулся он в синеватой полутьме снежной пещерки. В ушах его все еще звенел злобный смех ветра.

Ренн, стоя на коленях, низко наклонилась над ним. Лицо у нее было испуганное и чем-то озабоченное.

– Ох, слава Великому Духу! Я же все утро тебя разбудить пытаюсь!

– Все... утро? – пробормотал Торак. Он чувствовал себя куском шкуры, которую отбили и выскоблили.

– Ну да, сейчас уже полдень, – сказала Ренн. – Но что все-таки случилось? Ты, задыхаясь, упал на снег, и глаза у тебя закатились под лоб – нет, это было просто ужасно!

– Я упал, – только и сумел выговорить Торак. Каждый вдох вызывал нестерпимую боль в груди; казалось, у него разбито все тело; от боли взвизгивал каждый сустав, но, как ни странно, руки и ноги по-прежнему его слушались, значит кости явно не переломаны. – А на лице у меня... много ссадин?

Ренн покачала головой. «Ссадины на душе остаются», – подумала она.

Торак лежал неподвижно, глядя на низкий потолок снежной пещерки и повисшую прямо у него над головой каплю, готовую вот-вот сорваться и упасть. Пожиратели Душ взяли Волка в плен.

– Ты след-то видел? – спросила Ренн.

Он мучительно сглотнул и сказал:

– На север. Они шли на север.

Но Ренн чувствовала, что он чего-то недоговаривает.

– Как только ты вошел в транс, – сказала она, – сразу поднялся сильный ветер. И он так сердито завыл!

– А я летел. А ведь я вроде бы не должен уметь летать.

Та капля все-таки сорвалась и упала на парку Ренн, затерявшись в густом оленьем меху, – в точности как чья-то душа, упавшая с небес на землю.

– Тебе не следовало этого делать! – сказала Ренн.

С трудом приподнявшись на локте, Торак посмотрел в щель. Ветер снова притих, зато возобновилась поземка, похожая на чьи-то призрачные пальцы, тянущиеся к нему по земле.

– Ничего, мы еще поборемся! – попыталась приободрить его Ренн.

Торак снова лег, зарывшись в спальный мешок до самого подбородка. И подумал о том, что Пожиратели Душ взяли Волка в плен.

Он никак не мог заставить себя сказать это Ренн – во всяком случае, пока не мог. Если она узнает, кто их враги, то, пожалуй, потребует, чтобы они немедленно вернулись назад, в Лес, за помощью. А может, и одна уйдет, а его бросит тут.

Торак даже глаза закрыл при мысли об этом.

«А кто они такие, эти Пожиратели Душ? – спросил он как-то у Фин-Кединна. – Я ведь даже имен их не знаю».

«Мало кто знает их имена, – ответил Фин-Кединн. – А те, кто это знает, никогда об этом не говорят».

«А ты знаешь? – спросил Торак. – Почему ты не хочешь сказать мне? Ведь мне на роду написано с ними сражаться!»

«Со временем скажу» – вот и все, что ответил ему тогда вождь племени Ворона.

И все это время Торак никак не мог разобраться, как же Фин-Кединн к нему относится. Он принял его в свое племя, узнав о гибели отца, с которым они когда-то давно, оказывается, были добрыми друзьями. Вот только Фин-Кединн очень мало и редко рассказывал о своем прошлом. Он сообщал Тораку лишь те сведения, которые считал совершенно для него необходимыми.

Так что теперь Торак знал лишь то, что Пожиратели Душ вступили в сговор, желая править всеми лесными племенами. И они уже начали забирать власть в свои руки, но могущество их было поколеблено сильнейшим пожаром, и с тех пор им пришлось скрываться. За это время двое из семерых нашли свою смерть. А потому согласно законам лесных племен их имена нельзя было произносить в течение целых пяти зим. И одним из этих погибших колдунов был отец Торака.

Где-то глубоко в груди Торака проснулась знакомая боль. Ведь его отец присоединился к этим знаменитым колдунам, которых впоследствии стали называть Пожирателями Душ, чтобы творить добро! Так ему и Фин-Кединн сказал. И Торак прямо-таки уцепился за эти слова. Они стали для него законом. Фин-Кединн сказал ему еще, что, когда Пожиратели Душ стали совершать всевозможные злодеяния, отец Торака попытался от них уйти и они принялись ему мстить. Целых тринадцать зим они на него охотились, и целых тринадцать зим ему удавалось от них скрываться. Он даже сына своего растил вдали от лесных племен и никогда не рассказывал ему о своем прошлом. И вот позапрошлой осенью Пожиратели Душ все-таки его настигли. Они наслали на него огромного медведя, в которого с помощью колдовства вселился злой дух. Этот медведь и убил отца Торака.

А теперь Пожиратели Душ взяли в плен Волка.

Но почему Волка, а не самого Торака? Почему, почему, почему?

И несмотря на мучившие его вопросы, Торак уснул, убаюканный стоном ветра.

Кто-то тряс его за плечо, кто-то звал его по имени.

– Что-что?.. – пробормотал он еле слышно, потому что спал, уткнувшись лицом в олений мех.

– Торак! Да проснись же! – кричала Ренн. – Мы выйти не можем!

Он с трудом стряхнул с себя сон, приподнялся и сел, насколько это позволяла низкая крыша пещерки. Ренн была рядом. Судя по ее бледному лицу, она изо всех сил крепилась, чтобы не поддаваться панике.

Щель, оставленная ими для воздуха, исчезла. На ее месте возникла стена плотного, точно утоптанного снега.

– Пока ты спал, – сказала Ренн, – я все время копала, но так и не смогла выбраться наружу. Нас совершенно засыпало. Должно быть, всю ночь мело.

Торак заметил, что она просто сказала «мело всю ночь», а не «ветер, должно быть, похоронил нас заживо, пока мы спали». Значит, она еще не совсем пала духом.

– Где мой топор? – спросил он.

И тут лицо Ренн исказилось.

– Снаружи! Оба топора остались снаружи! Мы сами их там оставили. Там же и все остальное наше снаряжение.

Торак молча выслушал это, а Ренн с отчаянием прибавила:

– Надо было мне все внести в пещеру!

– Здесь не было места.

– Надо было мне расчистить немного места! Надо было головой думать!

– Ты же обо мне заботилась. Нет, Ренн, ты ни в чем не виновата. Ничего, у нас есть ножи. Откопаемся.

И Торак вытащил нож, который прошлым летом сделал для него Фин-Кединн. Тонкое лезвие из большой берцовой кости северного оленя, укрепленное тонкими, как листок дерева, пластинками кремня. Да уж, этот прекрасный нож совсем не годился для того, чтобы копать им плотный, прибитый ветром снег. Мощный отцовский нож из голубого сланца был бы куда лучше.

Но Фин-Кединн предупредил Торака, чтобы тот никому этот нож не показывал, а лучше спрятал бы его поглубже в свой ранец. И теперь Торак очень жалел, что именно так и поступил.

– Ладно, давай начинать, – сказал он Ренн, стараясь, чтобы голос его звучал как можно спокойнее.

Это было страшно – копать проход в снегу, понятия не имея, сколько им еще придется копать и в каком направлении. Кроме того, им некуда было девать уже выкопанный снег, разве что себе за спину, и, как бы усердно они ни работали, они по-прежнему оставались все в той же тесной норе, точно в ловушке. С подтаивавших стен выкопанного коридора им за шиворот падали капли талой воды, и это тоже здорово действовало на нервы. Вскоре дыхание у обоих стало каким-то чересчур громким, почти паническим, и, когда они продвинулись вперед примерно на длину вытянутой руки, Торак опустил нож и сказал обреченно:

– Нет. Ничего не получается.

Ренн смотрела прямо на него. Ее глаза казались огромными.

– Ты прав. В таком снегу можно копать без конца... А что, если нам так и не удастся выбраться наружу?

Торак видел, каких усилий ей стоит это внешнее спокойствие, и понимал, что ее одолевают мысли о погибшем отце.

– Ничего, теперь мы попробуем копать вверх, – сказал он.

Ренн молча кивнула.

Но копать вверх оказалось гораздо труднее. Снег засыпал глаза, падал за шиворот, да и руки от усилий и неудобной позы быстро уставали и начинали ныть. Торак и Ренн работали

спина к спине, утаптывая снег башмаками. Торак, до боли стиснув зубы, рубил и рубил плотный снежный покров, пока не заметил, что снег над ними приобрел более теплый, голубоватый оттенок.

– Ренн! Гляди!

Но она и сама уже это заметила.

Оба с лихорадочной быстротой замолотили по снежному потолку рукоятками ножей, и потолок вдруг проломился, треснул, точно яичная скорлупа. И они выбрались наружу!

Солнечный свет показался им ослепительным; холод обжигал легкие. Но они так и стояли, задрав голову, и смотрели в небо, точно птенцы, пытающиеся выбраться из гнезда. Потом чуть отползли от своей норы и рухнули на снег. Слабый ветерок холодным языком лизал их взмокшие от пота волосы. От вчерашней метели не осталось и следа.

Торак истерически расхохотался.

А Ренн молчала, лежа на спине и глядя перед собой невидящими глазами.

Потом Торак сел и огляделся. Снежное их убежище совершенно исчезло, сровнявшись с длинным пологим склоном холма, которого еще прошлой ночью здесь не было.

– А наше снаряжение? – пробормотал он. – Где же наше снаряжение?

Ренн тут же вскочила на ноги.

Если не считать ножей и спальных мешков, все остальное – луки, стрелы, топоры, запас еды и топлива, бурдюки для воды и варки пищи – было погребено под толстым слоем плотного снега.

Как-то чересчур спокойно Торак принялся отряхивать свои штаны. Потом сказал:

– Ничего. Мы знаем, где находится наша пещерка. Мы выроем вокруг нее траншею и рано или поздно отыщем все наше снаряжение.

Впрочем, он не хуже Ренн понимал, что если им это не удастся, то следующую ночь они вполне могут и не пережить. Совершенная ими ошибка – одна-единственная! – теперь, вполне возможно, грозила им смертью.

После того как они столько сил истратили, пытаясь прокопаться вверх, особенно обидно было копать вниз. К тому же стоило им начать копать, как снова прилетел тот ледяной ветер и стал швыряться в них снеговыми зарядами, слепя глаза и мешая нормально дышать.

Торак уже начинал терять всякую надежду, когда Ренн вдруг закричала:

– Мой лук! Я нашла свой лук, Торак!

Полдень давно миновал, когда они наконец отрыли все; к этому времени оба совершенно вымотались и прямо-таки плавали в собственном поту, ужасно страдая от жажды.

– Надо выкопать новую пещеру, – задыхаясь, сказала Ренн, – и дожидаться рассвета.

– Нельзя нам ждать! – возразил Торак. Ему не терпелось как можно скорее броситься на поиски Волка.

– Да я понимаю, что нельзя, – устало согласилась Ренн.

Они съели по кусочку вяленого мяса и запили еду водой, в итоге опустошив оба бурдюка. Затем прикрыли глаза повязками, сплетенными из полосок коры, чтобы не заполучить снежную слепоту, – в глубине души оба с тревогой сознавали, что это следовало бы сделать гораздо раньше, – и вновь двинулись на север, ориентируясь по солнцу, которое готово было вот-вот скрыться за горизонтом.

У Торака разболелась голова; боль молоточками стучала в висках. Он на каждом шагу спотыкался от усталости и отвратительного ощущения того, что не стоило им пускаться в погоню за Пожирателями Душ, что чего-то они с Ренн недодумали, что все идет как-то неправильно, но у него просто не хватило сил, чтобы разобраться в собственных ощущениях.

Широкая равнина сменилась довольно высокими холмами, между которыми намело огромные сугробы с плотными голубыми гребнями, похожими на замерзшие волны чудовищной высоты. Местами эти гребни образовывали опасные козырьки, которые в любой момент

могли проломиться под ногами. И все время неустанно дул северный ветер. Сердитый, мстительный, неукротимый северный ветер.

Из-за поземки казалось, что снег вокруг них пребывает в постоянном движении, и это очень мешало оценивать расстояние. Казалось, что они успели пройти совсем немного, но когда Торак взобрался на вершину очередного холма, то увидел, что Леса больше совсем не видно.

И тут же дикий порыв ветра с такой силой ударил его в спину, что он упал и покатился по склону к подножию холма.

Ренн съехала следом за ним и, помогая ему подняться, заметила:

– Надо было хоть топором зацепиться! А то теперь снова подниматься придется.

Она была права. Топор торчал у Торака за поясом, но у него просто времени не хватило, чтобы его выхватить. И с этого момента они шли, держа топоры в руках.

Отправляясь в путь, они уже достаточно сильно устали после откапывания снаряжения, и теперь каждый шаг давался им с огромным трудом. Ужасно хотелось пить, но растопить снег было не на чем: дрова у них кончились. Они понимали, что снег есть не стоит, и все-таки ели, хотя он только обжигал глотку и вызывал болезненные спазмы в желудке. А ветер все дул, все бросал им в лицо свои крошечные ледяные дровишки, и вскоре щеки у них воспалились, а губы потрескались и стали кровоточить.

«Это не наш мир, – как-то лениво думал Торак. – Здесь все не так. Все не так, как должно быть».

Один раз они слышали бормотание белых куропаток – причем удивительно близко! – но, когда стали искать, даже следов этих птиц не обнаружили.

Потом Ренн увидела вдали человека, но, когда они подошли ближе, человек превратился в полуразвалившегося каменного идола, украшенного развевавшимися на ветру волосами, в накинутаю на плечи шкуре. Кто сделал этого идола и зачем?

Нижние рубахи, еще утром промокшие от пота, теперь только охладили тело. Ренн и Торак промерзли до костей, их влажные парки покрылись ледяной коркой и стали тяжелыми и совершенно негнущимися. У обоих исхлестанные ветром лица жгло как огнем; потом щеки начали неметь, и в памяти Торака всплыли предупреждения Ходеца: «Сперва тебе холодно, потом тепло...» А потом что?

Ренн дернула его за рукав, указывая на небо.

Торак посмотрел и даже покачнулся.

На северном краю неба вскипали валы жутковатых пурпурно-серых облаков.

– Буран идет! – крикнула Ренн. – Надо крепче держаться друг за друга!

И она вытащила из ранца веревку, сплетенную из сыромятных ремешков. Они и раньше попадали в сильную метель, так что хорошо знали, как легко бывает потерять друг друга в снежном буране.

– Придется все-таки копать нору!

– Где? – крикнул Торак, тоже с трудом завязывая вокруг талии второй конец веревки. Земля здесь отчего-то казалась совершенно плоской.

– Прямо здесь! – И Ренн показала себе под ноги. – Будем копать вниз, вглубь! Просто выкопаем ямку в снегу. – И она потопала ногами, отыскивая более плотный слой снега. Но снег вдруг провалился под нею, и она исчезла.

– Ренн! – завопил Торак.

Веревка у него на талии сильно натянулась, подтаскивая его к провалу. Он упирался, вбивая пятки в снег. Впереди и вокруг ничего не было видно, кроме кипящего белого хаоса, но Торак чувствовал тяжесть тела Ренн, натянувшую веревку до предела, пытавшуюся и его сбросить в пропасть.

Сопrotивляясь, он все равно неумолимо приближался к опасному провалу, а потом упал головой вперед и уткнулся во взрытый снежный сугроб в нескольких шагах от того места, где стоял.

Сугроб приподнялся, и появилась Ренн.

Оба некоторое время сидели молча, потрясенные до глубины души.

Задрав голову, Торак увидел, что они провалились в сугроб, когда под ними подломился один из нависших снежных козырьков. Оказывается, они, ни о чем не подозревая, некоторое время шли по этому хрупкому снежному навесу, под которым была пустота.

В этот момент терпение Ренн лопнуло.

– Я больше не могу! – выкрикнула она, ударив по снегу кулаками.

– Ладно, придется нору копать, – сказал Торак, уже понимая, что ему это не по силам. Да он и топор-то уже с трудом мог поднять!

Собрав всю оставшуюся гордость, он последним рывком, пошатываясь, поднялся на ноги и крикнул ветру:

– Ладно, ты победил! Я ПРОШУ У ТЕБЯ ПРОЩЕНИЯ! Я больше никогда не осмелюсь летать! Прости меня, ветер!

Ветер что-то пронзительно крикнул, и Торак увидел, как сквозь кружащийся снег к нему летят некие загадочные и ужасные существа. Извивающийся, весь какой-то перекрученный снежный столб сбил Торака с ног, а потом его куда-то отнесло ветром...

И вдруг снег перестал беспорядочно кружить, а как бы собрался воедино: казалось, тысячи крохотных снежинок, слившись вместе, образовали нечто живое, похожее на человека, но таких существ Тораку никогда еще видеть не доводилось.

У существа были огромные круглые немигающие глаза, похожие на совиные, и белые крылья. Оно летело сквозь белую пелену прямо на Торака, а перед ним волной расстилалась безмолвная стая псов.

Торак слишком обессилел, чтобы испугаться, и лишь подумал: «Ну вот и все. Прости меня, Волк. Прости, что не смог спасти тебя».

Он упал на колени, и существо с совиными глазами набросилось на него.

Глава 8

Потом странное существо коротко рывкнуло, и псы тут же замерли как вкопанные. Выхватив длинный нож с изогнутым лезвием, существо с невероятной быстротой принялось рыть в снегу нору. Не прошло и нескольких минут, как Торак и Ренн оказались внутри снежного убежища, под прикрытием стены из снежных блоков.

В полумраке снежной пещеры их хриплое дыхание казалось Тораку особенно громким, ибо здесь почти не было слышно яростного воя ветра. Зато он слышал скрип замерзшей шкуры и чувствовал какой-то странно знакомый, едкий, чуть кисловатый запах. Что это? Ренн была ему не видна: существо с совиными глазами прыгнуло в пещеру следом за ними и устроилось между ним и девочкой. Впрочем, у Торака сил не было даже о Ренн тревожиться.

Он очень удивился, обнаружив, что больше не страдает от холода. Наоборот, ему даже, пожалуй, стало жарко. «Сперва тебе холодно, – вспомнил он слова Ходеца, – потом тепло, потом жарко, а потом ты умираешь...»

«Оказывается, – подумал Торак, – смерть совсем не страшна – она даже приятна». Смерть представлялась ему чудесно теплой и мягкой, как пушистый мех крупного северного оленя. Ему хотелось поскорее погрузиться в нее с головой, поглубже в нее зарыться...

Кто-то с силой потряс его за плечо. Он застонал. Совиные глаза смотрели на него в упор, заставляя его вернуться из того чудесного, теплого смертного сна.

И тут Торак, хоть и с трудом, понял, что перед ним человеческое лицо – круглое, покрасневшее от мороза, обрамленное опушкой из заиндеветшего меха. Колочий иней сверкал на бровях и на короткой черной бороде. На плоской переносице красовалась темная полоска татуировки, но этот племенной знак Тораку был неизвестен. Впрочем, ему было все равно, кто перед ним. Больше всего он хотел вернуться назад, в объятия смерти.

Незнакомец сердито на него зарычал и вдруг... вытащил из глазниц свои круглые глазищи.

И Торак понял, что «совиные глаза» – это всего лишь тонкие костяные диски с привязанными к ним кожаными тесемками. Этот человек просто постоянно закрывал глаза такими щитками, чтобы уберечься от снежной слепоты! Затем незнакомец быстро закатал рукав своей парки, вытащил кремневый нож и разрезал вену на своей мощной смуглой руке.

– Пей! – рявкнул он, прижимая ранку к губам Торака.

Сладко-соленая теплая жидкость наполнила рот Торака. Он закашлялся, но кровь проглотил. И тут же почувствовал прилив сил и настоящее, человеческое тепло, а не тот обманчивый жар, вызванный ледяным холодом. Вместе с теплом, правда, пришла и боль. Лицо у него жгло как огнем. Болело все тело. Казалось, раскаленные иглы прямо-таки впиваются в каждый сустав.

В темноте послышался крик Ренн:

– Оставь меня в покое! Я хочу спать!

Теперь этот человек что-то жевал. Потом выплюнул отвратительный серый комок в ладонь и сунул его прямо в рот Тораку, протиснув между зубами.

– Ешь!

Комок был вонючий, маслянистый, но Торак узнал, что это: тюлений жир! И вкус этого жира показался ему поистине чудесным.

Затем незнакомец размазал немного тюленьего жира по лицу Торака. Сперва было очень больно – ладонь у этого человека была твердой и грубой, как поверхность гранита, – но боль быстро утихла, сменившись вполне терпимым зудом.

– Ты кто? – невнятно спросил Торак.

– Потом, – проворчал незнакомец. – Когда гнев ветра немного утихнет.

– И долго это будет продолжаться? – спросила Ренн.

– Может, одну ночевку, а может, и несколько – кто знает? И чтоб мне больше никаких разговоров!

Тораку снилось, что ему снова двенадцать лет, значит его отец умер почти полмесяца назад.

А он, Торак, только что убил своего первого самца косули и, чтобы заставить Волка сидеть смирно, пока он свежует тушу, дал ему копытца – поиграть. Но волчонок, устав играть с копытцами косули, принялся бегать вокруг Торака и все время совал ему под руки свою любопытную мордочку, желая знать, что тот делает.

Тораку снилось, как он промывает в ручье внутренности косули, а Волк хватается зубами конец кишки и тянет. И Торак тоже тянет. А Волк припадает на передние лапы и виляет хвостом: еще бы, игра!

Торак, прикусив губу, пытается сдержать улыбку: «Нет, это не игра!» Волк настаивает, требует поиграть еще, но Торак твердо говорит ему по-волчьи: «Отпусти!» И волчонок моментально подчиняется: он так быстро отпускает конец кишки, что Торак падает прямо в воду. Волк прыгает на него, и они оба плещутся в воде, и Торак не выдерживает и смеется. Хотя отец его действительно умер, но он больше не одинок: он нашел себе брата.

А когда он вылезает на берег и поднимается на ноги, оказывается, что ручей отчего-то вдруг замерз. Значит, власть над Лесом уже захватила зима? И Волк, теперь уже совершенно взрослый, убегает от него куда-то среди поблескивающих от инея деревьев – и убегает он вместе с его отцом!

«Вернись назад!» – кричит Волку Торак, но северный ветер уносит его голос прочь. Этот ветер так силен, что Торак с трудом стоит на ногах, а вот ни над Волком, ни над отцом ветер никакой власти не имеет. Он словно и не касается ни длинных черных волос отца, ни серебристого волчьего меха.

«Вернитесь!» – кричит Торак. Но они его не слышат – не могут услышать. И ему остается лишь беспомощно смотреть, как они уходят от него, скрываясь среди деревьев.

Торак проснулся, как от толчка. Грудь сдавило чувство тяжелой утраты. Щеки застыли от замерзших слез.

Оказалось, что он лежит, свернувшись в клубок, в своем спальном мешке. Его одежда под паркой так и осталась влажной, и он настолько замерз, что даже дрожать уже был не в силах. Он заставил себя сесть и увидел, что находится не в снежной пещерке, а в домике с куполообразной крышей, тоже сделанной из снежных глыб. На плоском каменном светильнике слабым оранжевым пламенем горел кусок тюленьего жира. Над светильником висел мочевой пузырь тюленя, полный тающего льда. Судя по царившей снаружи тишине, Торак решил, что буря закончилась. А того странного человека рядом не было.

– Мне приснился просто ужасный сон! – пробормотала Ренн. Все лицо у нее было в царапинах и волдырях, а под глазами – темные круги.

– Мне тоже, – сказал Торак, чувствуя, что и у него лицо выглядит не лучше: кожу так жгло, что даже говорить было больно. – Мне снилось, что Волк...

В хижину на четвереньках вполз тот странный незнакомец. Он оказался невысоким и весьма коренастым, а в парке, сделанной из тюленьей шкуры, выглядел еще более приземистым и широкоплечим. Когда он сбросил с головы капюшон, взору открылось его плоское лицо, обрамленное прямыми черными волосами, коротко подстриженными на лбу. Глаза у него были точно черные щелки и смотрели недоверчиво.

– Значит, вы пришли с Дальнего Юга, – обвиняющим тоном сказал он.

– А ты кто? – спросил Торак.

– Инуктирук. Племя Песца. Меня послали разыскать вас.

– Зачем? – спросила Ренн.

Инуктирук из племени Песца сердито тряхнул головой:

– Да вы на себя посмотрите! Вы же оба насквозь мокрые! Разве вы не знаете, что убивает не снег, а сырость? Вот. Вылезайте из своих одежек и залезайте сюда. – Он кинул им два свертка из шкур.

Ренн и Торак настолько продрогли, что даже спорить не стали. Руки и ноги совершенно их не слушались и были как бесполезные палки, так что раздевались они целую вечность. Свертки оказались спальными мешками из серебристого тюленьего меха, а внутри был еще чудесный вкладыш из мягкой птичьей кожи пухом внутрь. В этих мешках им сразу стало так тепло, что они даже несколько приободрились, но тут Торак с тревогой заметил, что человек из племени Песца опять куда-то исчез, да еще и одежду их с собой прихватил. Теперь они оказались совершенно в его власти.

– Смотри, он нам поесть оставил, – сказала Ренн, пригнувшись к полоске замороженного тюленьего мяса.

Не вылезая из спального мешка, Торак с трудом доковылял до стены и сквозь щель посмотрел наружу.

То, что он принял за крышу снежной норы, в которой они укрылись прошлой ночью, на самом деле оказалось большими санями, поставленными на попа. Полозья саней были сделаны из челюстей кита, а поперечины – из широких рогов северного оленя. Спутанная упряжь скрывалась под какими-то пушистыми белыми холмиками, находившимися поодаль друг от друга. Холмиков всего было шесть, и над каждым поднималась тонкая струйка пара.

Появился Инуктирук, свистнул, и холмики приподнялись, превратившись в шесть крупных собак. Собаки сонно зевали, виляя хвостом и стряхивая со шкуры снег, и лезли к хозяину лизаться, а Инуктирук, отталкивая от себя собачьи морды, распутывал упряжь и проверял, не порезали ли его псы лапы о лед.

Ногтем большого пальца Ренн вытащила мясное волокно, застрявшее у нее между зубами, и сказала:

– Ходец говорил, что песцы нам расскажут, как отыскать этот Глаз Гадюки. Может, он как раз племя Песцов и имел в виду?

Тораку тоже так казалось, но уверен он не был, а потому сказал:

– Вот только рисковать мы никак не можем. – Ему хотелось верить Инуктируку, но он уже столько раз на собственном горьком опыте убеждался, что тот, кто вроде бы делает тебе добро, на самом деле прячет в глубине своей злобной души самые дурные намерения.

– Это верно, – согласилась Ренн. – Лучше мы не будем ничего ему рассказывать. Во всяком случае, пока окончательно не убедимся, что ему можно доверять.

Торак снова посмотрел в щель: Инуктирук, вывернув их одежду наизнанку, раскладывал ее на санях. Одежда тут же покрывалась льдом, а он сбивал эту ледяную корку, плашмя постукивая по ней ножом. Потом он куда-то сходил, принес мясо и бросил его собакам.

Пять псов были совсем взрослыми, а шестой – щенок-подросток, месяцев пяти от роду. Лапы у него еще не совсем огрубели, и хозяин заботливо надел на них башмачки из сыромятной кожи. Щенок повизгивал от наслаждения, когда Инуктирук перевернул его на спину, проверяя, надежно ли собачьи башмачки привязаны к лапам.

Торак, естественно, тут же вспомнил Волка и тот свой загадочный сон. Настроение у него сразу упало. И он рассказал об этом сне Ренн. А потом спросил:

– Понимаешь, Волк был рядом с моим отцом, но отец умер – так, может, это его дух о чем-то хотел предупредить меня? Или сообщить, что и Волк тоже умер?

– А может, – задумчиво сказала Ренн, – это был вовсе и не дух твоего отца, а дух Волка? Может, Волк просто просил тебя о помощи?

– Но он же должен понимать, что мы и так спешим к нему на помощь!

Ренн как-то сразу погрузилась, и Тораку показалось, что сейчас как раз подходящий момент, чтобы рассказать ей о похитивших Волка Пожирателях Душ. Но тут вернулся Инуктирук и довольно резким тоном велел им:

– Одевайтесь!

Их одежда, безусловно, стала суше, но все равно до нее даже дотрагиваться было противно – такой она казалась ледяной. К тому же Инуктирук, глядя на них с очевидным неодобрением, заметил:

– Уж больно вы оба тощие! Чтобы выжить во льдах, нужно непременно быть упитанным – неужели вы даже этого не знаете? У нас на Севере все толстые: тюлени, медведи, люди! – Потом он спросил, как их зовут и что за племенные знаки у них на лицах.

Торак и Ренн переглянулись, но Ренн все же сказала ему все, что он хотел знать.

Инуктирук, похоже, был озадачен, узнав, что Торак из племени Волка, и, качая головой, пробормотал:

– Только этого еще не хватало!

– Что ты хочешь этим сказать? – возмутился Торак.

Инуктирук нахмурился:

– Мы здесь о таких вещах не говорим.

– А по-моему, надо поговорить! – возразил Торак. – Ты спас нам жизнь, и мы очень тебе благодарны, но ты все же скажи, почему ты нас искал, очень тебя прошу.

Инуктирук явно колебался.

– Ну хорошо, об этом я вам расскажу. Три ночевки назад одна из наших старейшин вошла в транс, чтобы узнать, о чем говорят ночные огни в небесах, и духи мертвых послали ей видение. Она увидела девочку с рыжими волосами, похожими на тонкие ветки ивы, точно у Великого Духа в зимнее время, и мальчика с глазами волка. – Он помолчал. – Она говорила, что этот мальчик собирается совершить великое злодеяние. Вот потому-то я и должен был вас найти и остановить, чтобы вы не смогли принести зло племенам Льдов.

– Но я ничего плохого не сделал и никаких законов не нарушал! – с жаром возразил Торак.

Инукилул, словно не слыша его, спросил:

– А теперь скажите, кто вы на самом деле такие? И что вы делаете здесь, в чужих вам краях?

Он немного подождал, но, так и не дождавшись ответа, молча скатал их спальные мешки и направился к выходу, бросив через плечо:

– Получше натрите щеки тюленьим жиром и захватите с собой светильник. Мы уходим.

– Куда? – хором спросили Торак и Ренн.

– На нашу стоянку.

– Но зачем? – спросила Ренн. – Что вы хотите с нами сделать?

Инукилул обиженно посмотрел на нее:

– Мы вовсе не собираемся вредить вам! Люди Песца – мирные люди. Мы просто хорошенько снарядим вас в путь и отправим домой.

– Вы не можете заставить нас вернуться домой! – сердито заявил Торак.

К его удивлению, Инукилул разразился громким смехом:

– Еще как можем! Ведь все ваше снаряжение к моим саням привязано!

Разумеется, теперь им ничего не оставалось, как последовать за своим непрошеным провожатым.

А он уже снова закрыл глаза своими костяными щитками, делавшими его похожим на сову, и Тораку с Ренн тоже дал такие щитки. Затем он вытащил гибкий кнут из сыромятной кожи, очень длинный, наверное шагов двадцать в длину, и собаки тут же принялись подвывать и мести хвостами снег. Им явно не терпелось поскорее пуститься в обратный путь.

– А почему твои сани стоят носом на запад? – с тревогой спросила Ренн.

– Там находится наше стойбище, – сказал Инукилул. – На берегу ледяного моря, где водятся тюлени.

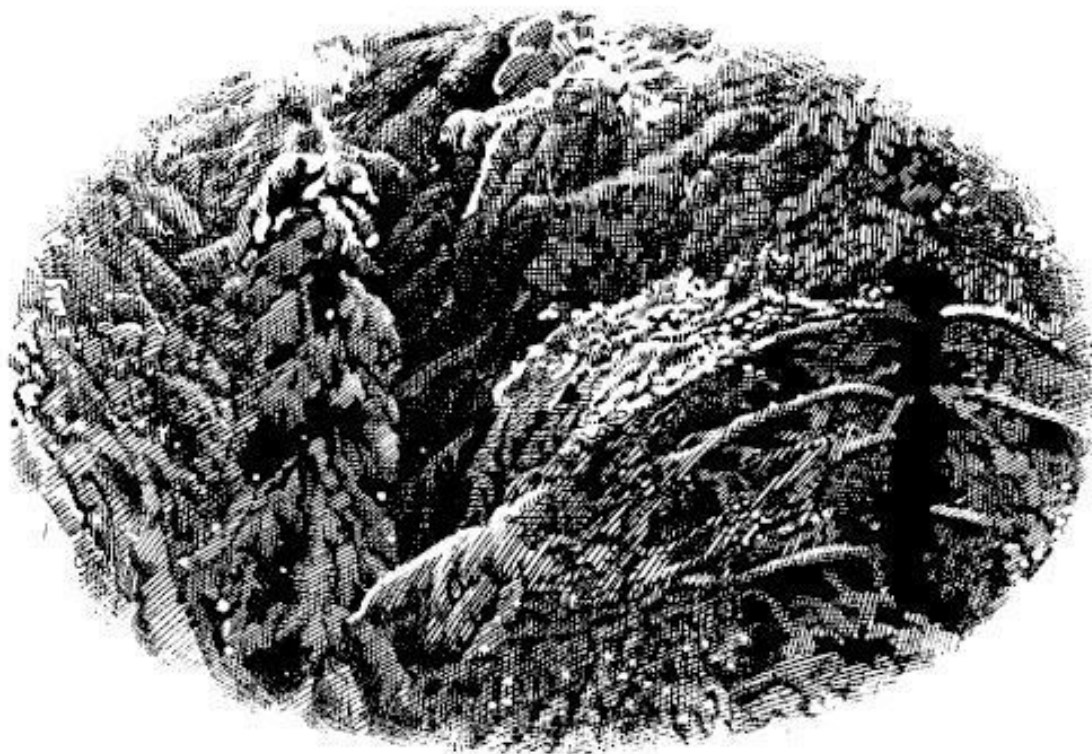
– Ваше стойбище на западе? – вскричал Торак. – Но нам-то нужно на север!

Инукилул повернулся к нему:

– На север? Двое детей, которые понятия не имеют о жизни во льдах, собрались идти на север? Да вы и до следующей ночевки не доживете! А ну залезайте в сани!

Глава 9

Северный ветер выл над белыми, заснеженными холмами, трепал согбенные ели на равнинах, свистел в той части Леса, где была стоянка племени Ворона, и словно кнутом сбивал снег с берегов озера Топора. Этот ветер, конечно же, разбудил бы Фин-Кединна, если бы он спал. Однако, с тех пор как люди из племени Ивы передали ему послание Торака, спать он почти не мог.

«Кто-то взял в плен Волка. Мы идем, чтобы вернуть его назад».

– Ну как они могли, не подумав, броситься его спасать! – сердито сказал Фин-Кединн и палкой поворошил костер, горевший у входа в его жилище. – Почему Торак не вернулся и не попросил нас о помощи?

– А девочка почему этого не сделала? – прокаркала Саеунн, спокойно встретив гневный взгляд вождя племени. Она была единственной, кто осмеливался спорить с Фин-Кединном, когда тот был не в духе.

Некоторое время они сидели молча, а ветер с силой раскачивал ветви у них над головой и старался, похоже, разбудить весь Лес. Колдунья племени Ворона, заботливо укрыв свои костлявые колени, протянула к огню скрюченные от старости пальцы, очень похожие на вороньи лапки.

Фин-Кединн снова сердито поворошил огонь, и пес, надеявшийся незаметно проскользнуть внутрь жилища, прижал уши и испуганно шарахнулся прочь, решив поискать себе местечко поспокойнее.

– Я никак не думал, что он будет так безрассуден, – сказал Фин-Кединн. – Пойти прямо-ком на Дальний Север...

– А откуда ты знаешь, что он туда пошел? – спросила Саеунн.

Вождь ответил не сразу:

– Их вроде бы издали видели люди из племени Белой Куропатки. Они мне сегодня утром об этом сказали.

Саеунн задумчиво провела неровным, желтоватым, как рог, ногтем по спирали своего магического амулета и заявила:

– Значит, ты хочешь отправиться их искать. Ты хочешь вернуть назад дочь своего брата. Фин-Кединн пригладил рукой темно-рыжую бороду.

– Хочу. Но не могу рисковать безопасностью племени, не могу зимой вести людей на Дальний Север.

Саеунн изучала его с ледяным равнодушием человека, который никогда в жизни не знал любви ни к одному живому существу.

– И все-таки ты хочешь пойти.

– Я же сказал, что не могу этого сделать! – раздраженно повторил он и так резко отшвырнул палку, что с трудом подавил стон: из-за проклятого северного ветра у него вновь разболелась старая рана на бедре.

– Тогда нечего об этом и говорить, – заявила Саеунн. – Девочка не раз доказывала, что нрав у нее своевольный и упрямый, – даже я ничего не могла с ней поделать. Что же касается мальчика, то он сам позволил... чувствам, – она презрительно скривила свой провалившийся от старости рот, – управлять его поступками.

– Ему всего тринадцать лет, – заметил Фин-Кединн.

– И у него своя, сложная судьба, – холодно прибавила колдунья. – Но жизнь его не принадлежит только ему одному! Он не должен был рисковать ею ради какого-то друга! Он пока этого не понимает, но вскоре поймет. Ничего, когда ему не удастся отыскать своего Волка, он вернется. И тогда ты сможешь наказать их обоих.

Фин-Кединн, словно не слыша ее, смотрел в догорающий костер.

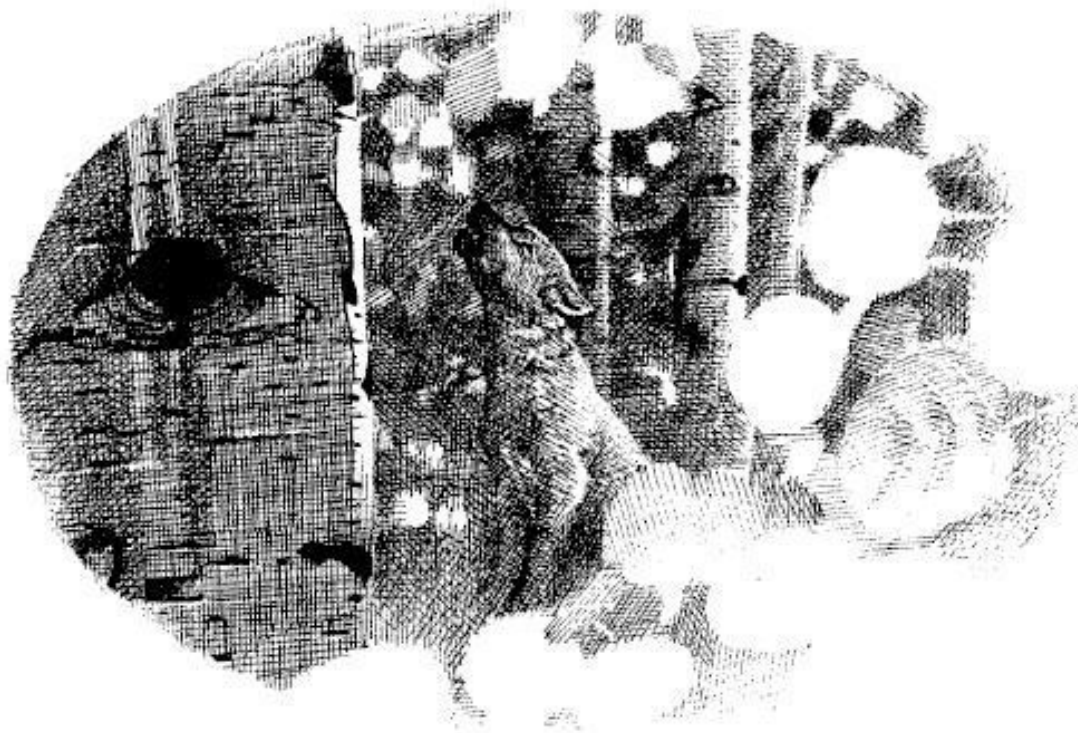
– Я хотел усыновить его, – сказал он. – Надо было мне сразу ему это сказать. Возможно, тогда все было бы иначе. Возможно... он сам попросил бы меня ему помочь.

Саеунн презрительно плюнула прямо в костер.

– Зачем тебе лишние волнения? Пускай идет на север! Пускай сам ищет своего Волка!

Глава 10

Сейчас Волк находился в другой Жизни, в той, куда все уходят во сне. Там он мог бежать быстрее самого быстрого оленя, мог один завалить огромного зубра и досыта наесться, но все же, проснувшись, всегда чувствовал себя таким голодным, словно вовсе и не охотился.

На этот раз ему снилось, что он снова стал волчонком. Ему было холодно, он весь промок, а его мать, отец и братья лежали неподвижно в жидкой грязи и совсем не дышали. Все это сотворила с ними Быстрая Вода, с ревом обрушившись на их Логово, пока он, Волк, исследовал пригорок.

Во сне Волк поднял морду и горестно завыл.

И на том берегу Быстрой Воды ему откликнулся другой волк, спешивший ему на помощь.

Услышав ответный клич, Волк просто запрыгал от радости, которая тут же сменилась недоумением. Оказалось, что этот незнакомый волк **ОЧЕНЬ СТРАННЫЙ**. Пахло от него, как от обычного волка-самца, но **ОДНОВРЕМЕННО** от него исходил запах и каких-то других существ; и ходил он только на задних лапах, и у него **СОВСЕМ НЕ БЫЛО ХВОСТА!**

И все же... у него были светло-серые глаза волка, и какая-то часть его души определенно была тоже волчьей. Так что маленький Волк решил, что нашел себе нового брата. И очень надеялся, что этот брат его никогда не покинет...

Волк проснулся, как от толчка.

И понял, что опять привязан к салазкам, скользящим по неровной поверхности Белого Мягкого Холода. И опять он почувствовал себя прямо-таки сплюснутым внутри этой ненавистой дырчатой оленьей шкуры, и больше всего ему хотелось опять уснуть и оказаться в той, другой Жизни, где он был волчонком, которого спас Большой Бесхвостый Брат.

Голова у Волка раскалывалась от боли. Во сне его стошнило, но он не мог не только вылизать себя, но даже пошевелиться. И очень болела раненая лапа. А отдавленный хвост болел еще сильнее.

Вонючая Шкура подошла к нему и сунула еще кусок мяса, но Волк даже внимания на еду не обратил. Бесхвостые шли и тащили его за собой все дальше и дальше, а Свет постепенно мерк, и Белый Мягкий Холод, кружась, засыпал все вокруг.

Через некоторое время Волк почувал, что они вошли на территорию, занятую чужой волчьей стаей. Это было очень опасно.

Тот крупный бесхвостый самец со светлой шерстью на голове куда-то отправился в одиночку – наверно, охотиться, и в сердце Волка проснулась надежда. Может, этот бесхвостый проявит глупость и нападет на тех, чужих волков? Волки непременно станут защищать свою территорию, и этот, со светлой шерстью, погибнет!

Однако бесхвостый все же вернулся, хотя и не слишком быстро. Он явно ничуть не пострадал и по-прежнему улыбался своей жуткой улыбкой. С собой он притащил какое-то маленькое Логово из оленьей шкуры, которое само по себе извивалось и рычало. Волк ничего не мог разглядеть, но почувал запах бессильной ярости. Это явно была росомаха, причем взбешенная донельзя. Росомаха? Но ведь росомаха – Охотник! Что же это значит?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.